Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

19-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОГОНЕК

Выходит 3 раза в месяц.

№ 12 (735)

Пятница, 25 апреля 1941 года.

В НОМЕРЕ:

1 из 2955.
Репортаж *Мих. Прехнера* и *Евг. Крейна.*

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ:

Фридрих Вольф.— Мануэль. Рис. *С. Расторгуева.* ◆ Из воспоминаний современников о Марксе. *Вл. Лидин.*— Шекспировские реликвии.

ПРОЗА:

Вас. Ардаматский.— Ксендз. Рис. *С. Расторгуева, Е. Герасимов.*— На озере Суванто. Рис. худ. *Ю. Цишевского.*

СТИХИ:

Янка Купала.— Не про старое кандальное... *Вас. Лебедев-Кумач.*— День весны человечьей.

ВОЙНА:

И. Ермашев.— Дневник войны. Рельефная карта северной Греции. Схема. Фото.

ФОТОРЕПОРТАЖ:

А. Межуев и *П. Оцуп.*— Первомайская Красная площадь. ◆ Первомайский проект «Огонька». ◆ Люди и события.

ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

Е. Микулина и *С. Шенфельд.*— Энтузиасты социалистического обслуживания. ◆ Свежая почта. ◆ *Евг. Линецкая.*— С быстротой молнии. Рис. *Ю. Ганфа.*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВИНКИ:

Заметки: *Л. Никулина, Н. Вирты.*

ИСКУССТВО:

Заметки: *Э. Голлербаха, Б. Гендель, В. Сухова, Ник. Смирнова-Сокольского, А. Маркова.*

ЮМОР:

С. Самойлов.— Мой дебют на сцене. Рис. *Б. Ефимова.* Иностранный юмор. Рис. *Б. Ефимова:* «Юноша спешит на свидание».

ЗА РУБЕЖОМ ★ В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ ★ СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ ★ СПОРТ ★ НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ ★ ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ... ★ ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ ★ КРОССВОРД.

Товарищ Сталин направляется на первомайский парад на Красную площадь.

Фото М. Калашникова.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

1 из 2955

Репортаж Мих. Прехнера и Евг. Крейна.

Сегодня, 1 Мая — в международный пролетарский праздник — миллионы трудящихся нашей великой родины выйдут на демонстрацию с развевающимися знаменами, плакатами и транспарантами, на которых будет сверкать цифра — 2955.

В этой цифре воплощено решение XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) о строительстве в 1941 году 2955 новых предприятий и расширении уже существующих.

Доменная печь в Запорожье — одно из 2955 новых предприятий, и она должна быть задута во второй половине 1941 года. Сегодня мы рассказываем о людях, строящих домну № 4.

На этом строительстве все поражает своими необыкновенными масштабами. Достаточно сказать, что для постройки домны потребуется несколько сот железнодорожных составов строительных материалов и самого разнообразного и притом сложного оборудования. За три сталинских пятилетки в нашей стране выросли кадры строителей доменных печей. Многие из них удивились бы все-таки, узнав, какими темпами строится домна № 4 в Запорожье.

По своей сложности, устройству, прочности домна может сравниться с современным линкором. До сих пор доменные печи строили два года, а иногда даже и больше. Коллектив «Запорожстроя» правильно понял, что для ускорения строительства надо использовать скоростные методы. И строительная площадка стала школой скоростного строительства.

★

Максимальная механизация строительства, широкое развертывание работ по всему фронту — вот основа технического проекта, разработанного инженером Дмитрием Николаевичем Резниковым.

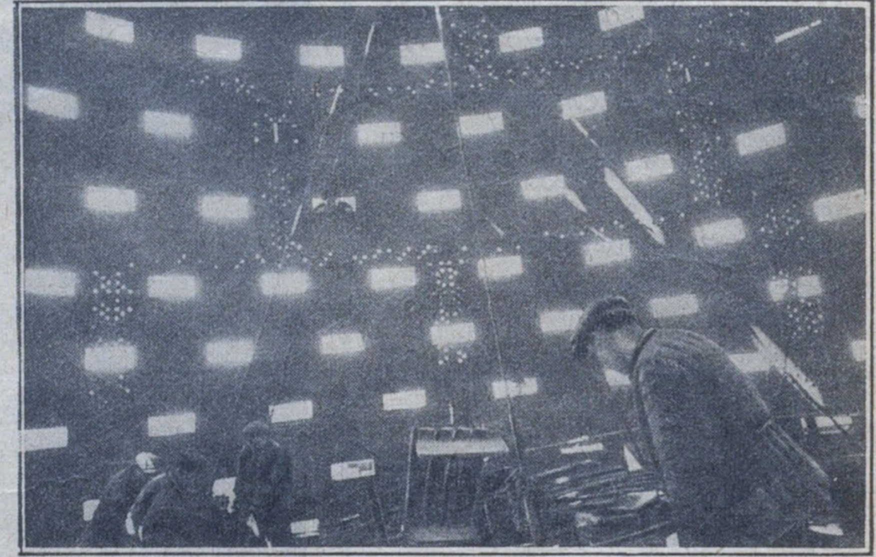
Обычно на стройках в котловане копошатся, мешают друг другу 200 человек. Здесь мы видели всего 10 человек.

Чтобы заложить фундамент на более прочной почве в красной глине, нужно было пройти два горизонта грунтовых вод и опуститься на глубину двадцати пяти метров.

Пока рыли котлован, арматурные и опалубовочные работы производились за пределами котлована, на монтажной площадке. Когда котлован был вырыт, заранее приготовленные арматурные блоки были установлены с помощью мощных кранов на проектные места. Параллельно с установкой и монтажом укрупненных блоков производилась подготовка к приему и укладке бетона.

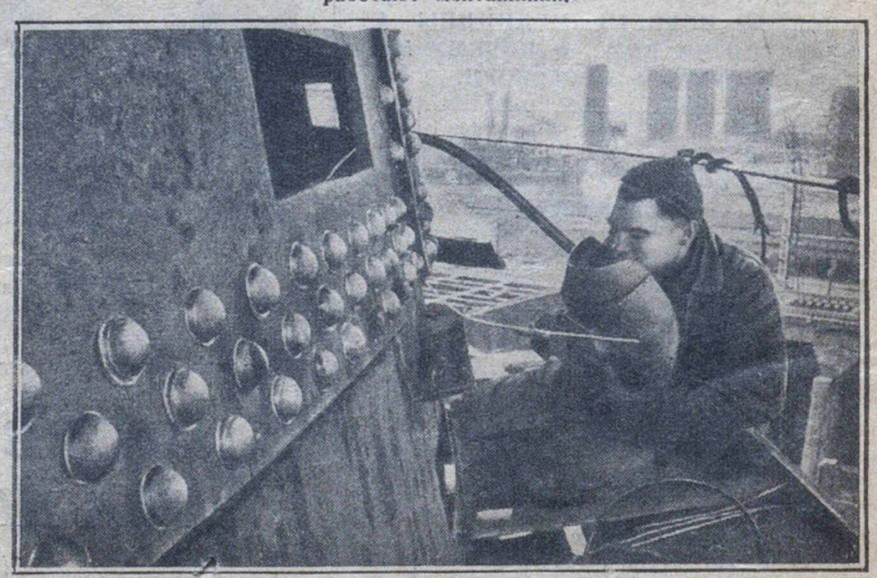
Раньше приготовление бетона производилось обычно на строительной площадке. Она загромождалась песком, щебнем, цементом. Строители домны № 4 готовили бетон на центральном бетонном заводе, на строй-

Эта домна, впервые в СССР, монтировалась целыми поясами.



Внутри домны. Через 4 месяца здесь будут «варить» металл, сейчас — работают монтажники.

Мощный кран поднимает собранные конструкции весом до 15 тонн.



На высоте небоскреба...

ку доставляли его на автомобилях и затем при помощи кранов и вибраторов укладывали его.

★

Пусть читателя не смущает, что на площадке так мало рабочих. Строительство идет полным ходом. Здесь широко применяют новую технику, эффектно используют строительные механизмы, что способствует повышению производительности труда.

И, действительно, при строительстве домны № 3 на этом же заводе работало около 2 тысяч человек, а сейчас занято всего 700. Тогда на лесах доменной печи работали сотни рабочих, и было высчитано, что на каждого человека приходилось не больше 2 квадратных метров площади. Сейчас в таком количестве рабочей силы нет никакой нужды.

Автор технического проекта сборки домны и конструктор мощного крана инженер Д. Н. Резников.

Путь от слесаря «Днепростроя» до руководителя строительств домны и мартена прошел инженер А. Н. Комар.

Специально сконструированный мощный подъемный кран, высотою в 60 метров, грузоподъемностью в 15 тонн, с радиусом действия в 18 метров, подымает не отдельные листы и мелкие детали, а целые металлические конструкции весом до 15 тонн. Впервые в СССР кожух шахты доменной печи монтировался целыми поясами. Вся шахта была смонтирована за 15 подъемов вместо 80—100, требуемых раньше. Колошниковую площадку, состоящую из 100 элементов, подняли и установили в 4 приема. Не только доменная печь, но и кауперы, скрубберы и пылеуловители монтировались точно таким же образом.

★

На стройке домны наряду с молодежью работают люди, строившие Днепровскую плотину и Алюминиевый комбинат. Скоростное строительство — это творчество всего коллектива. Несмотря ни на какие трудности: будь то 35—40 градусов мороза, проливные дожди, штормовые ветры — лучшие стахановцы стройки товарищи Измайлов, Кондак, Чевелев, Бубырь, Щербаков систематически выполняют нормы на 180—200 процентов. На монтаже металлоконструкций особенно отличилась бригада монтажников тов. Петрушина. Она сделала 50 подъемов за смену.

Замечательный путь от слесаря на строительстве Днепровской плотины до начальника «Металлургстроя» прошел блестящий организатор, инженер Анатолий Николаевич Комар.

★

На строительстве домны широко развернуто социалистическое соревнование. Итоги соревнований подводятся ежедекадно. Лучшей бригаде вручаются переходящее красное знамя и денежная премия. Подведение итогов соревнования превращается в радостный праздник строителей.

Ваши корреспонденты присутствовали на торжественном вручении переходящего красного знамени бригаде-победительнице, досрочно выполнившей квартальный план. Тов. Дубинко, передавая красное знамя бригадиру тов. Кондаку, сказал:

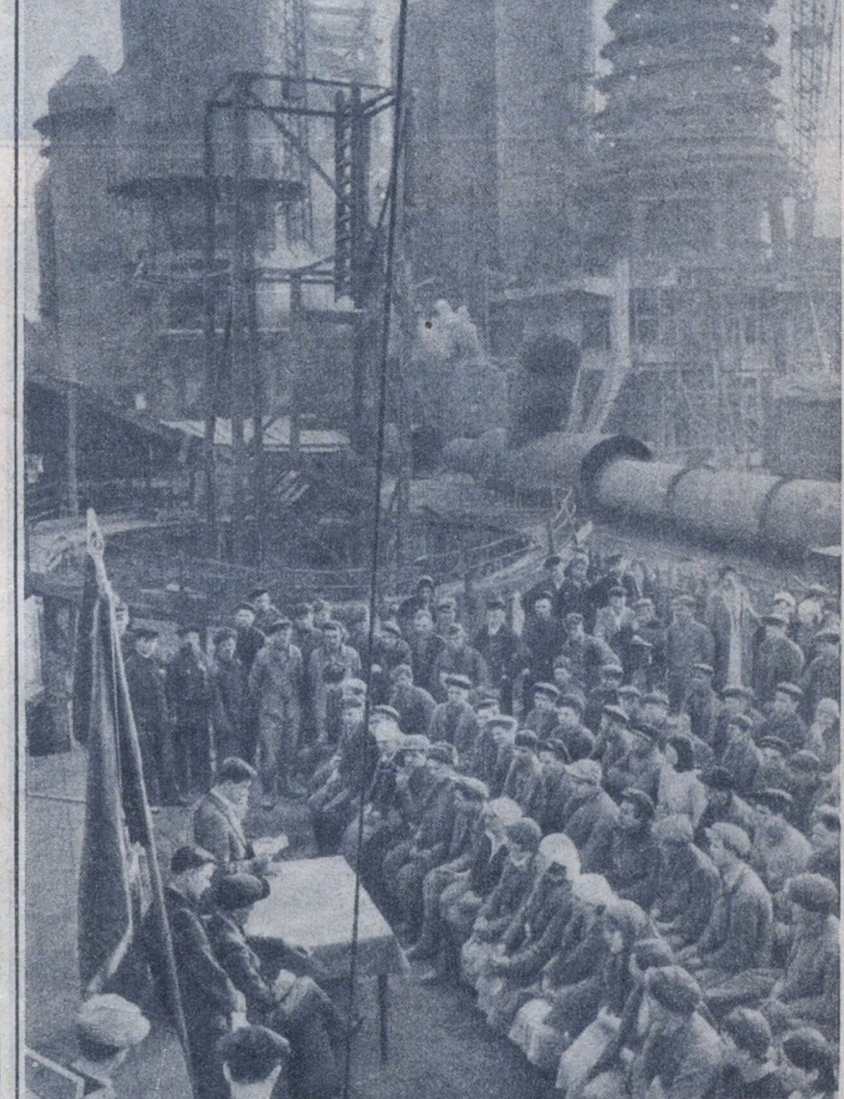
— Бери знамя, но помни, что через десять дней мы его обязательно отберем назад.

★

Запорожский обком партии поставил перед строителями задачу — задуть домну № 4 раньше срока, то есть 1 августа, чтобы страна смогла получить дополнительно до конца года тысячи тонн чугуна.

С энтузиазмом борется за выполнение этой серьезнейшей задачи коллектив стройки. Пролетарский праздник 1 Мая инженеры, техники и рабочие строительства встречали образцовой стахановской работой.

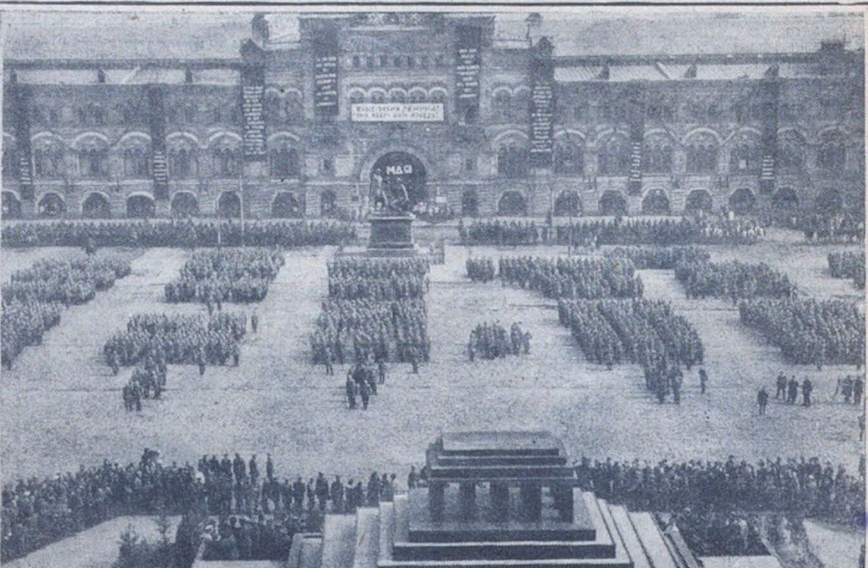
Комсомольская бригада бетонщиков тов. Кондака, завоевавшая переходящее красное знамя. Внизу: митинг строителей.



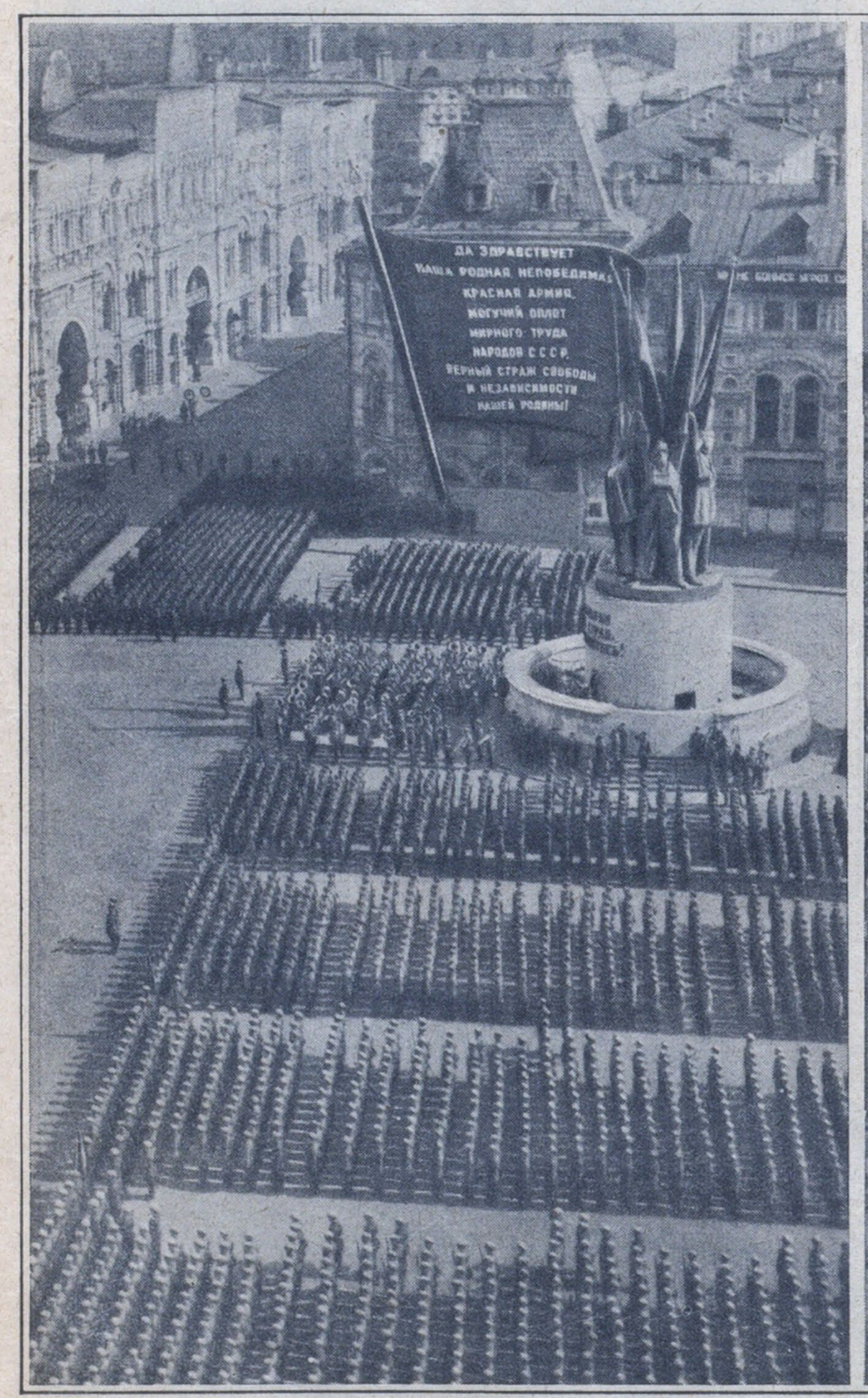
ПЕРВОМАЙСКАЯ КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Фото А. Межуева и П. Оцупа.

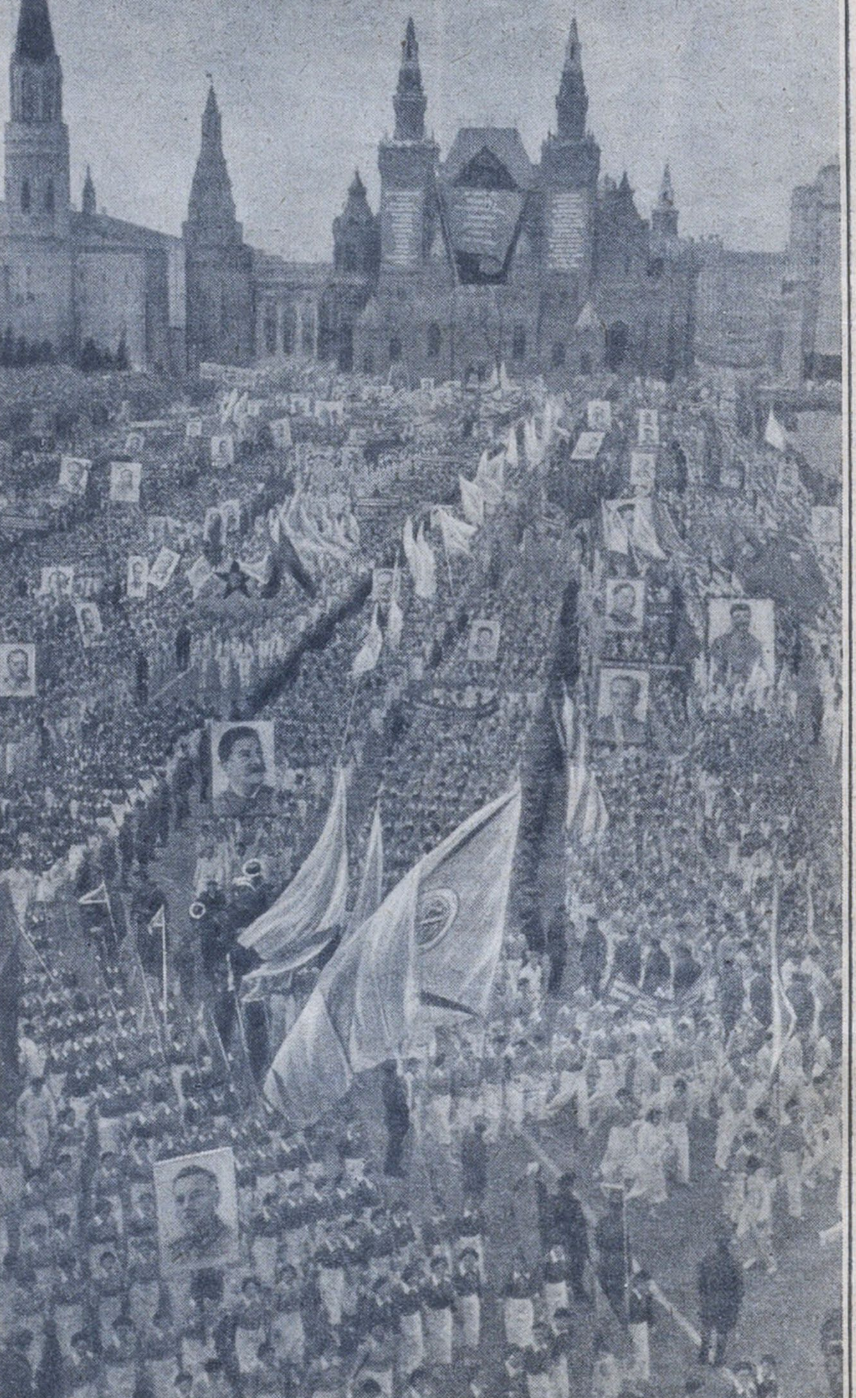
1918 год.



1925 год.



1939 год.



1940 год.

МАНУЭЛЬ

Фридрих Вольф

Рисунок С. Расторгуева.

Когда мы, восемьсот «политических», в дождливый октябрьский день 1939 года были доставлены во французский концлагерь у пиренейской границы, комендант — капитан колониальных войск — выстроил нас по отделениям и заявил: этот лагерь — дисциплинарный, военный-карательный лагерь, управляемый по военным законам. Если кто из вас после наступления темноты приблизится на десять метров к колючей проволоке, в того будут без предупреждения стрелять.

Первым делом нам наголо обрили головы, как каторжникам. По двести человек нас согнали в деревянные бараки, где не было ни лампы, ни печки. С 5 вечера до 6 утра мы лежали на охапке соломы в темном холодном помещении. Понятное дело, мы не капитулировали так просто перед этим обстоятельством. Уже в первые вечера были сконструированы масляные горелки из старых банок из-под сардин; остатки запасов жиров послужили горючим. Мы могли теперь по вечерам шить себе платье, потому что днем, когда мы должны были отбывать лагерную повинность, этим нельзя было заниматься; некоторые играли в шахматы, другие хором пели народные и революционные песни на всех языках земного шара.

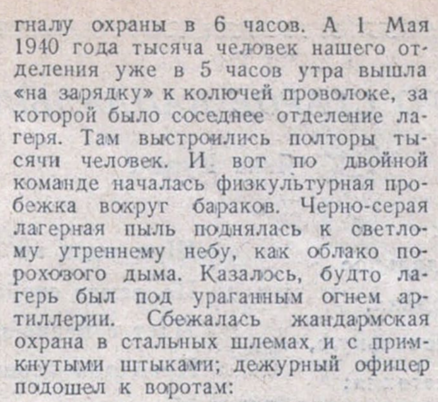
Как раз в наш барак — барак бывших испанских бойцов — служба информации подослала нескольких шпиков. Когда вечером 8 ноября зажглось больше горелок, чем обычно, внезапно в барак вломились сержанты жандармерии, прикладами сшибли горелки, стащили с нар нескольких наших известных товарищей, поволокли их в карцер и там избили. Если комендант воображал, что этим ему удастся нас запугать, то он ошибся. По эту и по ту сторону колючей проволоки мы еще крепче сплотились против нашего врага; мы изолировали шпиков, придумали для них условное слово «БИМ» («Бюро интернасьональ де мушар» — «Международное бюро шпиков»); стоило такому подлецу войти в барак, как раздавался клич «БИМ!», мгновенно распространявшийся по всем койкам; если шпика вызывали получать почту, то по всему участку лагеря за ним неслось презрительное «БИМ!» И вобще мы всячески осложняли им жизнь.

Близилось 1 Мая 1940 года. Мы решили непременно его отпраздновать. 30 апреля был чудесный весенний день. Горные луга за колючей проволокой лагеря были усеяны первыми цветами, совсем близко высились на фоне темноголубого неба зубчатые снежные вершины Пиренеев. Ласточки и скворцы вернулись домой из Африки и за несколько дней перед тем пролетели над черно-серым, грязным лагерем. Для нашего барака было ясно: 1 Мая нужно отпраздновать невзирая на все трудности. Вечером присоединились соседние бараки. Уже ночью об этом узнало другое отделение лагеря, хотя оно и было отгорожено от нас восемью широкими двойными рядами колючей проволоки.

Рядом со мной, на верхних нарах, лежали на соломе поляки, югославы, чехословаки, итальянцы, немцы и Мануэль — молодой рабочий из Мадрида, лет девятнадцати. Мануэль был болен туберкулезом, очень бледен и строен. Остальные испанцы расположились внизу. К вечеру, при последнем свете солнца, из убогих картонок и чемоданчиков были извлечены приличные костюмы; товарищей, у которых не было костюмов, экипировали кто лишними брюками, кто лишним пиджаком, и в полутьме низкого барака, в тесных нарах, всюду началась примерка костюмов. Мы передали по цепи, что в этот вечер ни в коем случае не надо петь, иначе нельзя было гарантировать, что уже ночью дело не дойдет до крупной демонстрации. Мы были слишком взволнованы весенним днем и предвкушением 1 Мая.

Половину ночи мы лежали без сна и перешептывались. Мануэль сказал мне, что завтра его команда должна будет таскать к реке тяжелые парапги и он непременно постарается принести несколько букетов полевых цветов. Наш план состоял в том, чтобы в день 1 Мая не уклоняться от необходимой лагерной службы, в остальном же как можно лучше его отпраздновать.

Согласно лагерному распорядку, мы поднимались обычно по трубному сигналу охраны в 6 часов. А 1 Мая 1940 года тысяча человек нашего отделения уже в 5 часов утра вышла «на зарядку» к колючей проволоке, за которой было соседнее отделение лагеря. Там выстроились полторы тысячи человек. И вот по двойной команде началась физкультурная пробежка вокруг бараков. Черно-серая лагерная пыль поднялась к светлому утреннему небу, как облако порохового дыма. Казалось, будто лагерь был под ураганным огнем артиллерии. Сбежалась жандармская охрана в стальных шлемах, и с примкнутыми штыками; дежурный офицер подошел к воротам:



— Что это значит? Назад, в бараки!

— Разрешите доложить, господин лейтенант, мы делаем утреннюю гимнастику.

— Но бегать запрещается! Категорически! Отставить пробежку!

— Хорошо, мы будем ходить,— ответил наш «преподаватель гимнастики».

И наш физкультинструктор скомандовал:

— В ногу, равнение налево! Шагом марш!

И вот две с половиной тысячи интернированных начинают прогуливаться в ногу; шаг с каждой минутой становится тверже, все больше походит на военный; вызванная по тре-

НЕ ПРО СТАРОЕ КАНДАЛЬНОЕ...

Янка Купала

I

Не про старое кандальное
Эту песню голос поднял,
А про радость беспечальную,
Что явилась нам сегодня;
Не про тюрьмы, пытки
царские,
Муки адские народов,
А про волю пролетарскую,
Золотые наши годы;
Не про темень беспросветную,
Что слепила людям очи,
А про зорьку огнецветную —
Победительницу ночи;
Не про бедность безотрадную,
Про удел с сумою знаться,
А про наше неоглядное,
Необъятное богатство;
Не про злобу про звериную,
Что давила тяжким грузом,
А про дружбу про единую
Сыновей всего Союза;
Не про сны, в былом
ужасные,
И безвыходные беды,
А про сталинское, ясное
Знамя славы и победы;
Не про старое кандальное
Эту песню голос поднял,
А про радость беспечальную,
Что явилась нам сегодня!

II

Шум идет из хаты в хату
По земле свободной,
Идет с песнею крылатой
Праздник всенародный.
Мы всегда его встречаем
Радостно и смело,
И посильно величаем
Большевистским делом.
И проходит невозбранно
Шум по всей округе —
В ледяные океаны
И к садам на юге.
В дружном братстве
торжествуя,
Голосом мильонов
Славим Книгу Золотую
Сталинских законов.
Шум идет зеленым бором,
Лугом, над рекою.
Мы навек простились с горем,
С неволей былою.
Шум идет селом, дубравой,
Идет, не смолкает
И на праздник нашей славы
Народы скликает.
Так для нас сбылись до слова
Ленина заветы.
С новым счастьем, с долей
новой,
Родина Советов!

Перевод с белорусского
Н. СИДОРЕНКО

воге рота жандармов выстроилась на обочине дороги у входа в лагерь; сержанты бегают за нами по ту сторону проволоки, как испуганные няньки; они еще не могут как следует понять, что все это значит. Ошалевшие от неожиданности шпики толкутся у бараков между нами и жандармами. Когда они хотят что-нибудь сказать охране, гигантская марширующая колонна грозно восклицает «БИМ! БИМ!» и шаг пяти тысяч ног делается еще тверже, он уже отчеканивается на жесткой, шлаковой почве, как парадный марш.

— Стой! Вольно! — командует через десять минут наш начальник.

Один резкий поворот — и сомкнутая колонна размыкает ряды.

Как всегда, мы получаем в 6.30 кофе. К 7 часам лагерь кишит охраной. Даже офицеры поднялись спозаранку. Они ждут, что мы откажемся работать. Но точно в положенное время мы в нашей рваной, убогой рабочей одежде стоим навытяжку в строю. Безмолвно приступают различные команды к всеобщей лагерной повинности (о том, что специальные ремесленные группы не стали выполнять работу, не насущно необходимую, стало известно лишь после обеда). Офицеры не находят предлога для вмешательства. Шпики стоят с вытянутыми физиономиями. В 11 часов наша служба кончена. Скорее к умывальникам! Через 10 минут все умыты. Еще через 10 минут две с половиной тысячи интернированных, в своем «воскресном платье», в галстуках, с белой ромашкой в петлице, прогуливаются под руку по лагерным улицам между бараками, по «Бульвару свободы», по «Бульвару победы».

— Вы что, окончательно спятили?— ревет наш старший сержант, старый колониальный солдат.

— Нынче такой хороший день, начальник! — отвечаем мы.— Свое дело мы сделали и тоже хотим походить чистыми.

— Ах вы, свиньи... сегодня 1 Мая! Вы думаете, я идиот?

— Не смеем думать, начальник,— отвечаем мы вежливо.

Снаружи, перед бараками, мы в праздничной одежде торжественно рассаживаемся за столиками и хлебаем суп. Галстуки весело развеваются на легком весеннем ветерке; у каждого из нас в петличке ромашка, полные карманы которой принес в лагерь Мануэль со своей командой, совсем как у свободных и «приличных» людей.

Командование лагеря все еще не знает, как реагировать на эту странную, мирную демонстрацию. Выйдут ли интернированные на послеобеденную работу или устроят настоящий майский праздник? Для нас самих все это было первым опытом, первым шагом, который должен был установить, в какой степени можно мобилизовать лагерь вокруг мирного лозунга. Насколько возможно дольше мы следовали по легальному пути, поэтому ровно в 2 часа опять выстроились по отделениям в рабочем платье, готовые к службе.

До сих пор все шло абсолютно гладко. Настроение было замечательное, и мы заранее радовались вечерней «прогулке». В 5 часов вернулись домой; опять повторилось умывание и молниеносное переодевание, как в 11 утра.

Вдруг лагерь оказался окружен охранниками. По их реву мы сразу замечаем, что их опоили вином. В наше отделение является пресловутый карательный отряд с одним из самых свирепых старших сержантов во главе. На нас обрушиваются удары дубинок и пинки.

— Все в бараки!

Там старший сержант пытается переписать всех, кто в галстуке. Но попытка эта не удается. Почти все гордо носят свои праздничные галстуки. К тому же сержант слишком пьян и не в состоянии нанести на бумагу больше пяти фамилий. Тут его осеняет:

— Все перед бараки!

Снаружи мы выстраиваемся по отделениям. Старший сержант командует:

— Галстуки снять! Цветы долой!

Мертвая тишина. Мы переглядываемся. Никто не шевелится.

Тут охранники начинают срывать с некоторых галстуки и цветы. Поднимается страшная сутолока. «Чем вам мешают цветы? Вы боитесь цветов?— уговариваем мы охранников.— Разве вы мальчишками никогда не носили цветов? Разве у вас в мае никто не носит цветов?» Уговоры и возражения. Охранники начинают колебаться. Вдруг старший сержант подскакивает к нашему отделению и вытаскивает шагов на десять вперед Мануэля, молодого испанца, у которого в петлице две ромашки. Сержант грубо вырывает две белых цветочных звезды из петлицы Мануэля и швыряет их на землю. В то же мгновенье Мануэль нагибается, поднимает цветы и опять вставляет их в петлицу. Сержант хватает юношу, приподнимает его от земли и изо всех сил бьет по лицу. Паренек качается. Сержант снова приподнимает его, еще раз вытаскивает цветы из петлицы и опять бросает их наземь. Мануэль опять нагибается.

Отделения расстраивают свои ряды. Возмущенная, жестикулирующая, кричащая толпа теснится вперед. Жандармы спешат туда. Начальник размахивает револьвером. Охранники вынимают свои карабины и заряжают их. Мы кричим: «Спокойно!»

Впереди стоит Мануэль, лицо его бледно, как известка, глаза пылают, его стройная юношеская фигура вытянулась, как свечка, из правой руки идет кровь... сержант наступил на нее своим тяжелым, подбитым гвоздями сапогом. А в руке Мануэль опять держит две белые ромашки, уже сильно растерзанные. И опять разъяренный сержант готов кинуться на юношу. «В карцер тебя, красную свинью!» — орет он.

Момент крайне критический.

Тут, раздвинув взволнованную кричащую толпу, к Мануэлю подходит Хуан, широкоплечий 22-летний, бывший рыбак из Андалузии. «Дай сюда!» — говорит он. И видя, что молодой мадридец колеблется, он вырывает у него цветы и вставляет их себе в петлицу. «Я иду вместо него, он больной»,— заявляет он сержанту.

— Долой цветы! — набрасывается начальник на Хуана.

Тот прикрывает цветы своей широкой ладонью и спокойно идет по направлению к воротам в карцер. Он не защищается, когда охранники, празднуя дешовую победу, вцепляются ему в плечи и толкают его перед собой.

Сотни белых ромашек спасли мы от озверелых охранников. Большая часть цветов снова перекочевала к Мануэлю, который нарвал их утром. Каждый товарищ принес Мануэлю свой цветок, если ему удалось его спасти. Мануэль поставил рядом со своим соломенным тюфяком маленький ящик. На нем стояла банка из-под консервов с большим пучком ромашек. Цветочные головки почти все были скомканы и растерзаны. Но в вечерних сумерках барака букет светился как пламя... 1 Мая 1940 года.

Перевод Ю. САВЕЛЬЕВОЙ

КСЕНДЗ

Вас. Ардаматский

Быль

Рис. худ. С. Расторгуева.

Вот какая интересная история произошла не так давно в Прибалтике.

В некоем захолустном местечке над домиками, над садами торчал костел. В костеле, как и полагается, проходили соответствующие службы в честь разных святых, умерших мужиков, родившихся младенцев и т. д. Обделывал все эти дела один ксендз. Обделывал настолько ловко, что даже заслужил похвалу от своего высшего начальства, которое нагрянуло однажды в это местечко.

Очевидцы, бывшие в костеле в этот день, рассказывают, что ксендз вышел немного бледный и испуганно следил за своим начальством. Рядом с начальством на первой скамейке сидела местная помещица — худая и завистливая баба. Надо вам сказать, что у этой помещицы был знакомый ксендз, к которому она не была вполне равнодушна. Не побывало в местечке такого начальника, которому она не прожужжала бы уши про упомянутого своего дружка. А дружката бог забросил на работу в другую округу!

Ясно, что дама не могла упустить такого козыря, как приезд божественного начальства, чтобы не опорочить местечкового ксендза. Главным ее козырем был, конечно, часовой мастер Юзеф.

Юзеф приходил на все богослужения и задавал ксендзу самые нелепые вопросы, из которых можно было заключить, что часовой мастер не очень-то верит в бога. Так, однажды он спросил: «А что думает уважаемый святой по поводу новых налогов?»

И вот местечковая холостая дама козыряет часовым мастером и, указывая на него, шепчет начальству разные слова о том, что ксендз не пользуется уважением и что в пастве есть такие неразумные овцы, как этот Юзеф, которому, дескать, ксендз потакает в его богохульстве.

Между тем ксендз оправился от первого смущения и говорит проповедь, и говорит так, что жена местного кабатчика начинает утирать слезы. Часовой мастер Юзеф тоже начинает плакать, но как! Он рыдает на весь костел и в заключение падает на колени. Местечковая холостая дама даже побледнела от этого зрелища.

Похвалило начальство местечкового ксендза, выпило у него весь небольшой запас вина, приняло в подарок годовалого поросенка и уехало, а даме пришлось прикусить язычок. Про эту службу в местечке разговаривали целую неделю.

Говорили, между прочим, о том, как этот ксендз хорошо исповедь проводит. Понятно, что о своих грехах никто при этом старался не рассказывать. Только местечковый столяр («Лучшие гробы в городе Цезаря Луковницкого») откровенно поведал о своих двух грехах: как он, разозлившись на домовладелицу Еву Задовскую, пристававшую к нему с уплатой долга, пожелал ей родить пса на трех ногах, и как потом, когда Задовская отдала богу душу, он сделал ей гроб из самых трухлявых досок.

— С этими двумя грехами пошел я на исповедь и рассказал обо всем ксендзу... Рассказываю я ему, и боюсь глаза поднять, и вижу только, что у него сутана трясется, будто его смех одолевает. Но грех про ксендза даже подумать такое. Стою, жду, что скажет он. И вдруг слышу: «Иди спокойно домой. Твои грехи — вовсе не грехи и вот почему. В первый раз ты пожелал ей такого, что случиться все равно не могло, так что зла ты ей не учинил. А гроб ты сделал тогда, когда она была уже на небе, а бездушному телу все равно, где лежать...» Я, дорогие мои, целый день думал над его словами и пришел к выводу, что наш ксендз мог бы служить в столице и исповедывать самих министров.

Так и жил всеми любимый ксендз. Одного не могли понять прихожане: почему он бедно живет? У всех ксендзов дом — полная чаша, а у этого на окнах нет даже тюлевых занавесок, и завешивает он окна простой бумагой сверху донизу.

Но самое интересное впереди. Наступает лето 1940 года. Как известно, именно этим летом в Прибалтику пришла Красная Армия и этим же летом народы Прибалтики решили установить у себя советскую власть.

На первый митинг собралось все местечко. Улица против дома городского начальства забита людьми. Шум, песни, приветственные крики. Балкон украшен красной материей, и все смотрят туда, ожидая, кто там будет говорить. Под самым балконом суетится часовщик Юзеф. Какое бы событие ни случилось в местечке, уж часовщик Юзеф всегда будет на месте первым. И вот он говорит: «Сейчас вы увидите такое, чего никогда и во сне не видели».

И действительно! На балкон вышел ксендз. Всеми уважаемый местечковый ксендз. Только был он одет в простенький пиджачок и без головного убора. Подошел он к перилам и улыбаясь смотрит на местечковое население. А население еще ничего не понимает, но уже, обалдев, замолкло. Стало так тихо, как будто радио выключили. В это время другой человек говорит:

— Товарищи! Я предоставляю слово старейшему коммунисту-подпольщику нашей страны, секретарю районной парторганизации товарищу Залесскому.

— Товарищи! — обратился к населению ксендз. — Я говорить буду начистоту. Могу сказать, что за пять лет службы я ничем никогда не осквернил ваших религиозных чувств. Если кто скажет другое, — он скажет неправду. До меня вы знали трех ксендзов. Одного само начальство вынуждено было убрать: он всех крестьянских девок в округе перепортил. Было так?

И вся улица как гаркнет:

— Было!

— Дальше. Второй ксендз прославился тем, что вы трезвым его видели только раз в году, да и то в високосном. Было так?

И опять улица отвечает, что было.

— Третий увлекся торговыми делами и сам бросил костел. Так было? Улица подтверждает. Передаю вам костел в полной исправности и сдаю всю кассу до последней медяшки. Выберите уполномоченного, и пусть он приходит принимать все дела. Единственное, в чем я должен перед вами извиниться,— это что я сутаной закрылся от полиции, да еще у себя в домике печатал те листовки, которые вы читали.

И произносит ксендз такую речь, каких в местечке никогда не слышали. Улица чуть не прыгала от восторга, ревела от этой речи и постановила, чтобы была в местечке советская власть и притом в кратчайший срок. Были, конечно, такие, которые готовы были лопнуть от злости, но они ведь — не улица.

Вот и вся история с ксендзом. Все уже и позабывать стали, что секретарь райкома партии был когда-то мастером на божественные проповеди и на отпущение грехов. Стал только этот человек еще более уважаемым во всей округе. А в местечко приехал новый ксендз — плешивый худой старик с фиолетовым носом. Только дела его плохи: народ почему-то меньше стал ходить в костел.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

В ГЛУБЬ ПОЛЯРНОГО БАССЕЙНА. Летчик-орденоносец И. И. Черевичный, совершивший на самолете «СССР Н-169» выдающиеся перелеты для изучения обстановки в морях Полярного бассейна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР тов. О. КУУСИНЕН среди участников шахматного турнира. Слева направо: в первом ряду — П. Керес, О. Куусинен, М. Ботвинник; во втором ряду — И. Бондаревский, И. Болеславский, А. Лилиенталь и В. Смыслов.

ЛУЧШАЯ ТРАКТОРИСТКА КОЛХОЗА им. Молотова комсомолка Н. Н. Олексовская, депутат областного совета депутатов трудящихся (село Ясиниця-Сильная, Дрогобычская область).

НОВЫЙ НАРКОМАТ. Образован общесоюзный Народный комиссариат резиновой промышленности. Народным комиссаром назначен тов. Т. Б. Митрохин.

ОРДЕНОНОСЦЫ ХАРЬКОВСКОГО С.-Х. ИНСТИТУТА, получившие ордена и медали 8 апреля в Кремле. Слева направо: лаборант М. И. Твердохлебова, академик А. Н. Соколовский, профессор М. А. Егоров и член-корреспондент Академии наук БССР П. С. Пишемука.

50 ЛЕТ РАБОТЫ В ПОРТУ. Ф. М. Пастухов 50 лет работает в Горьковском порту. За свою работу награжден грамотой и именными часами.

НАРКОМЗДРАВ РСФСР объявил благодарность коллективу родильного дома № 1 Бауманского района. В числе прочих премию и благодарность получила акушерка В. С. Большакова.

35 ЛЕТ ОБРАЗЦОВОЙ РАБОТЫ. М. П. Обносова, старшая операционная фельдшерица, 35 лет работает в Красноярской городской больнице.

Рис. худ. Ю. Цишевского.

На озере Суванто

Е. Герасимов

Рассказ

На третьей неделе войны артиллерийская группа полковника Лопатина заняла боевой участок на южном берегу длинного, как река, озера Суванто.

Наконец-то штаб Лопатина расположился под крышей жилого дома! Это была маленькая, одинокая, затерянная в лесу, окруженная низенькой изгородью избушка — пристанище какого-нибудь бобыля, рыбака или охотника, изгнанного отсюда еще задолго до начала войны, когда на тихие берега Суванто нахлынула с северозапада масса финских войск.

На покрытую снегом кровлю свешивались заиндевевшие ветви большой рябины, на которой еще кое-где держались гроздья пурпуровых ягод. Внутри избы было пусто. Артиллеристы застали здесь только одно живое существо — тощую, облезлую, одичавшую кошку. Откуда-то выскочив, она ошалело пронеслась между ног, из сеней нырнула прямо в сугроб.

В лесу появились люди, кони, повозки, машины, и вскоре прилегающую к одинокому домику местность уже нельзя было узнать: лес поредел, и снега даже стало как будто меньше — всюду желтели глубокие ямы и выброшенная наверх глинистопесчаная земля. Среди разбросанных тут и там еловых ветвей темнели голые стволы сваленных деревьев. Запахло сеном и дымом, в глубь леса потянулись провода и десятки утоптанных в снегу тропинок.

★

На рассвете в жарко натопленной избушке штаба почти никого не осталось: все штабные командиры ушли на наблюдательные пункты дивизионов. Лопатин свой наблюдательный пункт приказал оборудовать на мысу, где густой лес, в глубине которого расположился штаб, подступал к самому берегу Суванто.

Ширина Суванто, на середине которого, между извилистыми кромками льда, ветер гнал темный поток воды, была здесь не больше километра. Противоположный, высоко поднимающийся, закрытый лесом берег казался пустынным. Лопатин, наблюдавший за ним в трубу, дававшую восемнадцатикратное увеличение, видел отдельные деревья — сосны, ели,— выглядывающие из-под снега валуны, но не замечал ничего, что выдавало бы присутствие врага. Однако полковник знал, что по ту сторону озера скрывалось несколько железобетонных огневых точек финнов. В приказе командующего местоположение их было определено довольно точно. Уже несколько дней назад эти долговременные вражеские укрепления были нанесены на карты и схемы, обозначены на них цветными кружками, и теперь нужно было только обнаружить их на местности, увидеть собственными глазами.

Наблюдение велось одновременно с разных мест. Десятки глаз пристально следили за северным берегом Суванто. Наблюдательные пункты дивизионов и батарей были оборудованы на деревьях, в окопчиках, вырытых ночью у самого озера, в нескольких каменных домах и сараях, уцелевших от сожженной противником прибрежной деревушки. В сторону притаившегося врага были направлены все имевшиеся у артиллеристов оптические приборы. Однако прошел короткий зимний день, и никто из наблюдателей не заметил ничего подозрительного на противоположном берегу: хоть блеснули бы где стекла бинокля, шевельнулась бы, уронив с себя снег, ветка ели или закурился бы над деревьями дымок,— нет, ни малейшее движение не нарушало мертвого покоя по ту сторону Суванто.

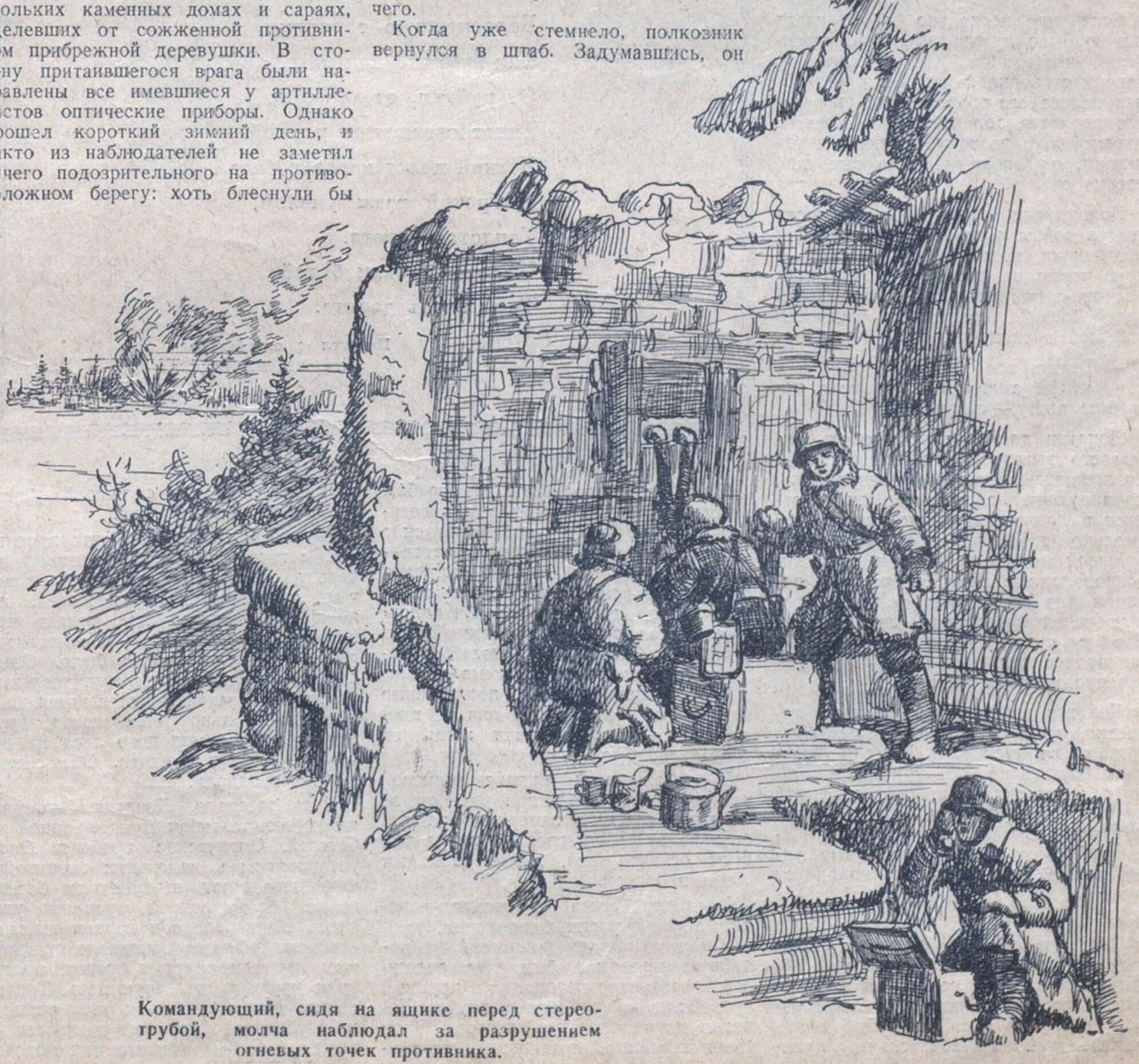
Лопатин, по целым часам не слезавший с дерева, то и дело брал телефонную трубку и, вызывая поочередно дивизионы, задавал один и тот же вопрос:

— Что нового?

И каждый раз ему отвечали извиняющимся голосом:

— Пока, товарищ полковник, ничего.

Когда уже стемнело, полковник вернулся в штаб. Задумавшись, он сидел в лесной избушке над картой. Ему не давали покоя молодые сосны и елочки, росшие по ту сторону Суванто. На карте северный берег озера в районе указанного в приказе местонахождения огневых точек противника был открытым. Лес не должен был здесь приближаться к озеру ближе чем на двести метров, а в действительности он закрывал весь берег. Правда, лес у берега был мо-



Командующий, сидя на ящике перед стереотрубой, молча наблюдал за разрушением огневых точек противника.

лодой, он вполне мог вырасти уже после того, как была составлена карта, однако, как ни убеждал себя в этом Лопатин, проклятые елочки и сосенки продолжали его мучить: все время стояли перед глазами.

Прошел еще один день, наблюдение попрежнему не давало никаких результатов. Вечером Лопатина вызвал к себе командующий. Полковник не мог скрыть от командиров своего штаба, что ему это неприятно. Командующий был профессором той самой академии, которую полковник недавно окончил, и Лопатину очень не хотелось показываться сейчас на глаза своему учителю. Всего несколько дней назад командующий поздравлял его с блестящим успехом и, как слышно было, представил к высшей правительственной награде. То, что наблюдение два дня не давало никаких результатов, Лопатин ощущал уже как неудачу.

На пункт командующего, помещавшийся в цементном подвальчике сгоревшего дома, полковник приехал на своей «эмке» уже глубокой ночью. Несколько командиров, укрывшись шубами, спало в углу на соломе. Подвальчик освещала только одна свеча, стоявшая на столе. Командующий ужинал. Он встретил Лопатина, как встречал и раньше, по-домашнему, просто: придвинул к нему хлеб, колбасу, поставил на стол вторую чашку и сказал:

— Закусывайте.

Ужиная, командующий делился с полковником своими мыслями, говорил о том, что его сейчас, вероятно, больше всего занимало.

Если еще несколько дней назад можно было думать, что пояс укреплений противника уже прорван, то теперь становилось ясным, что главная полоса его обороны еще впереди, что прорвана только линия боевого охранения, а поэтому увлекаться успехами, одержанными в первые дни, весьма опасно.

Командующий говорил о трудности театра войны и особенностях тактики противника, которая заключается в том, чтобы не дать Красной Армии возможности применить всю мощь своей боевой техники, в частности тяжелой артиллерии.

— Теперь вся трудность задачи в том, чтобы тяжелая артиллерия получила пищу,— говорил он.

Лопатин долго не мог понять, зачем его вызвал командующий. Только прощаясь, встав и протянув руку, командующий сказал, что он передает в подчинение Лопатина на несколько дней дивизион артиллерии большой мощности. Уже к утру дивизион должен встать на огневые позиции для разрушения железобетонных точек противника, находящихся в обозначенных на карте — он подчеркнул эти слова — пунктах северного берега Суванто.

Лопатин знал: командующему известно, что эти точки еще не обнаружены на местности. Но для Лопатина было ясно, что у командующего нет никаких сомнений: передний край главной полосы обороны противника проходит по северному берегу Суванто и долговременные укрепленные огневые точки находятся именно там, где они отмечены на карте.

Опять за час до рассвета Лопатин вышел из лесной избушки на линию наблюдения, растянувшуюся на несколько километров по южному берегу озера, и весь его штаб опять разошелся по наблюдательным пунктам дивизионов и батарей. Лед был еще тонкий, чуть подальше от берега он уже трещал под ногами, а на середине Суванто попрежнему темнела вода. Однако мороз уже крепко хватал, и разведчики, чтобы согреться, слезая с деревьев, выползая из окопов, бегали по утоптанным в лесу тропинкам.

Орудия, стоявшие на огневых позициях, все еще были покрыты чехлами. Огневики основательно обстроились, зарылись в землю, но никому не сиделось в теплых землянках: всех тянуло на линию наблюдения. Вынужденное бездействие под носом противника, притаившегося за озером, в полутора-двух километрах от наших позиций, тяготило всех бойцов и командиров.

дальной формы, другие очень вытянулись вверх и насквозь просвечивали, третьи, наоборот, сильно раздались в ширину, и на их густых ветвях лежали большие снежные подушки. На некоторых из-под снега совсем не видно было хвои.

Ночью, после трех дней тщательного наблюдения, Лопатин, только что заснувший в избушке, вдруг, резко откинув шубу, вскочил возбужденный, каким его уже давно не видели, и сейчас же сел за стол, стал что-то вычерчивать. Спустя полчаса он поднял на ноги весь штаб.

— Все ясно,— говорил он, ероша волосы и быстро шагая по избе.— Ни малейшего сомнения не может быть, голову дам на отсечение, что это так: никакого ельника на том берегу нет, все это сплошной обман, дьявольская маскировка.

Трудно было поверить, что противник с такой быстротой расставил по берегу сотни, а может быть, даже тысячи декоративных деревьев, но полковник показал две только что набросанные им схемы — и сомневаться в этом уже нельзя было. Одна схема изображала узел сопротивления противника, захваченный нашими войсками несколько дней назад, другая — контуры молодого леса на северном берегу Суванто. Обе схемы почти совпадали.

Чуть засерело, Лопатин был уже на наблюдательном пункте одной из батарей. Оптические приборы были установлены в маленьких окошечках каменного сарая, стоящего на берегу озера. Артиллеристы успели уже здесь обжиться: под сараем вырыли глубокое убежище, покрыли его тройным накатом толстых бревен, поставили круглую железную печь. Топившаяся всю ночь печь к утру остыла, но в убежище было еще очень тепло: вход в него был завешен плащ-палаткой и толстым одеялом. Полковник собрал здесь командиров и рядовых разведчиков на коротенькое совещание.

— Нам предстоит интереснейшая задача,— говорил он.— До сих пор в артиллерии не имели понятия, что такое расчистка леса гранатами.

Каждый из присутствовавших получил сектор наблюдения за разрывами снарядов. Потом Лопатин дал приказ открыть огонь, и все поднялись наверх, вооружились блокнотами, карандашами, приникли к окулярам стереотруб.

День был облачный, но с хорошей видимостью, и голубые просветы между белыми клубящимися облаками, похожие на озера, лежащие меж белоснежных вершин, становились все шире. По команде, переданной телефонистом, тяготившую артиллеристов тишину сменил грохот орудий. С щипящим свистом пронеслись над Суванто первые снаряды, и северный берег ожил.

Догадка полковника подтверждалась. Гранаты разрывались на северном берегу Суванто по-разному. Вдали от берега после разрыва граната падала одна сосна, а из соседних только ломались верхушки и ветки. У берега же картина была совсем иная: падало сразу несколько деревьев, а вокруг них молодой лес сваливался на бок, как будто здесь пронесся ураган страшной силы. Теперь полковник мог уже безошибочно определить, где был естественный лес, а где — одна декорация.

Когда из-за облаков вышло солнце и его бледное зимнее сияние легло на Суванто, на северном берегу озера, среди сваленных, расщепленных и опаленных огнем деревьев четко обозначились в снегу темные щели амбразур ДОТ. Они казались глазами какого-то чудовища, выглядывающего из недр земли.

— Теперь все лишние — в убежище! — приказал полковник.

Над амбразурами подземной крепости закурились дымки, и снаряды противника стали рваться вокруг наблюдательного пункта.

Лопатин приказал приступить к вскрытию бетона. Он не отрывал глаз от стереотрубы. Батареи закончили пристрелку — и на северном берегу Суванто поднялись столбы белой пыли, потом в облаках разрывов появились коричневые пятна, и над амбразурами постепенно начал вырисовываться темносерый прямоугольник верхнего бетонного покрытия ДОТ.

★

В полдень на наблюдательный пункт неожиданно прибыл командующий. Полковник доложил ему, что задача по вскрытию бетона решена и что дивизион большой мощности ведет стрельбу на разрушение. Потом Лопатин откинул рукой плащ-палатку, висевшую у входа в убежище. Он предлагал спуститься вниз, но командующий, не обратив внимания на его жест, подошел к стереотрубе и сел на стоявший возле нее ящик.

До наблюдательного пункта ему пришлось несколько километров пройти пешком по глубокому снегу, кое-где проползти. Его полное раскрасневшееся лицо блестело от пота, седые волосы на висках слиплись, а черная кожаная шуба местами обледенела.

Артиллерия была любимым родом войск командующего, специальностью, которой он посвятил всю свою жизнь. Сын бедного армейского офицера, он еще в годы империалистической вой-

(Окончание на стр. 20).

Самое неприятное было то, что бездействовал приданный полку дивизион большой мощности. Гигантские гаубицы — гордость артиллеристов — стояли молча на лесных полянах, среди заснеженных елей и высоких сосен. Люди чувствовали себя виновными перед этими совершеннейшими машинами. Эти орудия способны были превратить в пыль самые надежные укрепления врага, построенные из железа и бетона, но они не имели пищи — и чудовищная мощь их пропадала даром.

В напряженной тишине, лежащей над озером, наблюдатели чуть ли не слышали дыхание замершего на той стороне врага. Но взгляду не на чем было остановиться, кроме молодых сосен и елочек.

У самого берега, на мысках, молодые деревья росли одиночками, кучками, маленькими рощицами, а подальше молодняк был уже сплошной и незаметно переходил в крупный лес. Ведя наблюдение в трубу, Лопатин изучил каждое дерево. Одни были стройные, правильной, пирами-

В СВЕЖЕЙ СОРОЧКЕ

Лев Квитко

Постирали на реке,
Разостлали в холодке,
Молотили, полоскали,
Отряхали, выжимали,
Чтоб сорочка вновь была
Ослепительно бела.
Солнце высушит ее —
Под рубель клади белье,
Прокатай его получше,
Утюжком его проглядь.
Белоснежную сорочку
Так приятно надевать!
От рубахи, от льняной,
Тянет свежестью речной.
Легкий холст ласкает тело
Добротой руки умелой,
Теплотою утюга.
Чистота рубахи белой
Телу очень дорога.

Перевел с еврейского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ

ДЕНЬ ВЕСНЫ ЧЕЛОВЕЧЬЕЙ

(Первомайский фельетон)

Вас. Лебедев-Кумач

Пускай у весенних деревьев кудри
Еще покуда не отросли,
И снег запоздалый порою пудрит
Едва проступившую зелень земли,
Пускай зимы надоедливый кашель
Еще пугает птиц-озорниц —
Земля проснулась, и сердце наше
Чует сиянье майских зарниц!
Я слышу, как люди с оркестром вместе
Поют — и песни льются волной,
И Май — чудеснейший капельмейстер —
Гремит симфонией над страной.
Я вижу, как ярко блестит позолота
На сотнях пурпурных победных знамен,
И славой Армии нашей и Флота
Весь праздник, как пламенем, озарен.
От Ленинграда до Семиречья,
От бухты Тикси до Ферганы
Я слышу праздник весны человечьей —
Большой, огромной, всемирной весны!
Когда и где, у каких народов,
В культе каком и в какие века
Был такой светлый праздник-отдых,
Как Первое Мая для большевика?
Праздник народа, который вечен,
Праздник труда, побед и надежд,
Праздник, который солнцем отмечен,
Расцвечен радостью новых одежд.
По чести, как надо, праздник этот
Еще мы не ценим. Скажу — не солгу:
Все мы, поэты и непоэты,
У Первомая в большом долгу.
Праздник Мая со всем его смыслом
Должен оставить следы и в быту.
В докладах пусть будут факты и числа,
А быт любит чувства и теплоту.
Десятки праздничных майских традиций,
Красивых традиций советской земли,
У нас вполне могли бы родиться,
Но мы им родиться не помогли.
Я, например, вопрос подымаю
(Пусть критик ругается, сух и строг!)
Чтоб в лавках и дома к Первому Маю
Был всюду особый майский пирог.
Пускай гастрономы обсудят со смаком,
Как его делать и в стиле каком,
С чем он там будет: с вареньем иль
с маком,—
Важно, чтоб майским он был пирогом.
Еще предлагаю, чтоб всякий и каждый
В петлице майский имел цветок.
Нет живого — бери бумажный,
Но без цветка — не ходи за порог!
В прическу девушкам — майские ленты!
Зеленью, хвоей украсить дворы!
Майские сказки, сюрпризы, легенды
Придумать для нашей детворы,
Чтобы, прожив на красном свете
Много и много кипучих лет,
Вспомнить с любовью могли наши дети
Майских праздников яркий свет.
Подумаем все над этой задачей,
И пусть теперь же, сразу, сейчас,
Проверит каждый майский докладчик
Привычный запас оборотов и фраз.
Пусть выкинет все, что серо и скучно,
Пускай говорит так, что пела душа,
Чтоб радовать смелых, будить
равнодушных,
Чтоб зал порой замирал не дыша!
А если не сможет,— тогда предлагаю:
Пусть выйдет и скажет просто, как я:
— Подруги, товарищи! С Первым Маем!
С радостным днем, дорогие друзья!
И пусть потом будут песни и танцы,
И будет всем и легко и смешно.
Кто — двинет в лес, кто — на лодке
кататься
А хочешь кино — иди в кино.
Схоласт и начетчик, вы Мая не троньте!
Майская радость, и смех, и уют
Нам жить помогают. Ведь даже
на фронте
Люди на отдыхе песни поют.
И чем веселей и полней наш отдых,
Тем нам приятней у Мая в гостях,—
Тем больше побед мы дадим на заводах,
В шахтах и красноармейских частях!

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРОЕКТ «ОГОНЬКА»

Улица Горького, как она выглядит сейчас.

Улица Горького, какой она, надеемся, станет в близком будущем.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

15 апреля 1941 года

1. НА ОЛИМПЕ

Древнегреческие боги, как гласят предания, обретались на вершине Олимпа—самой высокой горе Фессалии, в северной Греции. В конце марта здесь обосновались олимпийцы другого рода — английские «Томми», в стальных касках, со своими пулеметами, противотанковыми пушками, минометами. Там, где любители древности, быть может, искали следы божественных ступней, были вырыты траншеи и между камнями протянуты провода полевых телеграфов и телефонов. «Томми», впрочем оставались тут недолго.

Один германский обозреватель пишет, что на этом фронте германским войскам пришлось действовать в совершенно другой обстановке, чем в Бельгии, Голландии и Северной Франции.

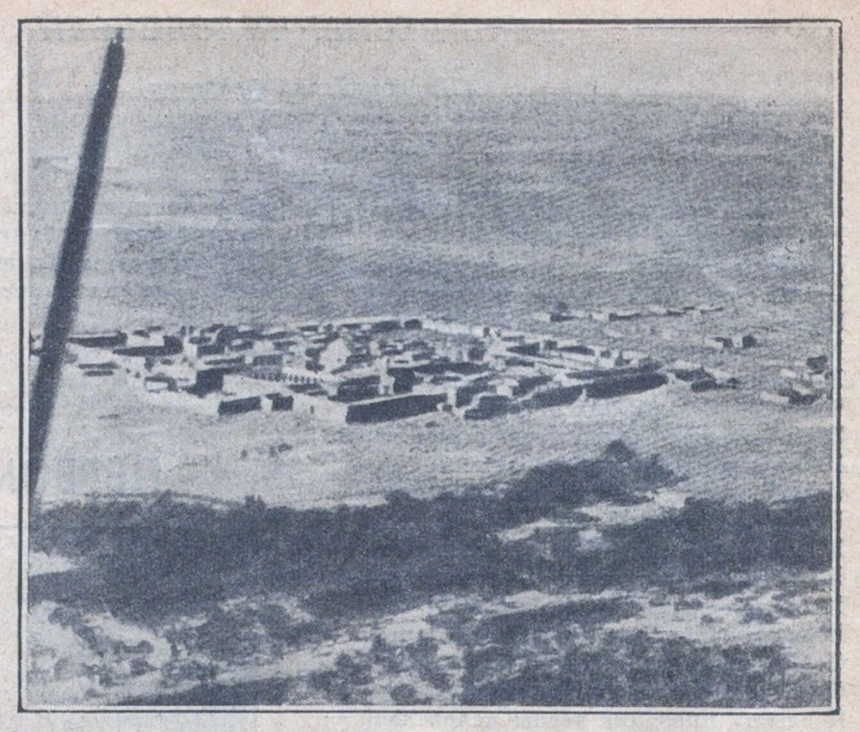
«Между крутыми склонами гор,— пишет он,— проходят узкие дороги. В мирное время сообщение здесь поддерживается лишь при помощи волов и мулов. Теперь вверх по косогорам движутся тяжелые машины. Малейшая неосторожность — и машина срывается в глубокую пропасть. Ложный шаг по извилистой тропе — и путь прегражден. Пенящиеся горные потоки на высоте до двух тысяч метров дополняют картину этого дикого ландшафта. Хрупкие мосты не выдерживают тяжести машин. Все зависит от дисциплины движения, которая является секретом непрерывного наступления. Повозки спотыкаются о камни, ухабы и выбоины. Эти дороги нельзя сравнить с альпийскими. Движение то и дело приостанавливается. На каждом повороте приходится ставить посты. Тяжелые танки занимают почти всю ширину дороги».

Англо-греческое командование рассматривало специфические трудности театра войны в качестве одного из своих союзников. Здесь сравнительно мало дорог. На этом фронте встретились, вторично в этой войне, германские и британские войска.

К тому времени, когда военные действия развернулись на территории северной Греции, там уже находились довольно многочисленные отряды английских, австралийских и новозеландских войск. По сведениям лондонского и афинского корреспондентов швейцарской газеты «Нейе Цюрхер цейтунг», переброска британских войск в Грецию началась тотчас же после вступления германских войск в Болгарию, то есть в начале марта. В первых числах апреля численность британских войск в Греции оценивалась в дипломатических кругах Афин не ниже, чем в 100 тысяч человек, в том числе танковые части, «имевшие в своем распоряжении несколько тысяч легких и тяжелых танков». В среднем, в Грецию ежедневно прибывало из Африки 5 британских транспортов с войсками и военными материалами, в особенности зенитными и противотанковыми пушками. По сообщению афинского корреспондента агентства «Эксчейндж», в Грецию были переброшены сильные наземные части британских воздушных сил, которые во всех стратегических пунктах страны установили звукоулавливатели, зенитные батареи, а также подготовили площадки для авиации.

«Британское правительство,— добавляет лондонский корреспондент «Нейе Цюрхер цейтунг», — скрепя сердце согласилось отправить войска в Грецию, поскольку это могло быть сделано только за счет других фронтов и отразиться на положении там, как это, действительно, и случилось в Киренаике. Решение послать войска было принято не только по военным, но и по политическим соображениям. Об этих соображениях военный обозреватель газеты «Таймс» капитан Сирилл Фолс писал, что «Англия должна думать не только о настоящем, но и о более отдаленном будущем».

Английская экспедиционная армия в Греции оказалась, однако, в трудном положении: ей не только пришлось иметь дело с крупными силами германской армии, наступавшими с севера, но также оглядываться назад, на свой тыл. Как раз в это время крупные события разыгрались на другом фронте, в Западной пустыне, на границе Египта, и это создало очень сложную обстановку для британских войск на Балканах.



Общий вид оазиса Джарабуб в Южной Ливии, на границе с Египтом. 21 марта оазис был занят английскими войсками; теперь здесь идут бои.

2. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Главнокомандующий британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генерал сэр Арчибальд Уэйвелл знает и чувствует это лучше кого-либо другого. В большой статье, «Полководец», напечатанной недавно в газете «Таймс», генерал Уэйвелл, между прочим, писал, что, по его мнению, есть одно качество, «отличающее великого полководца от рядового генерала: я имею в виду вкус к приключениям, то есть то, что отличает азартного игрока». Уэйвелл вспоминает слова Наполеона: «Если бы военное искусство заключалось лишь в том, чтобы отказываться от риска, то слава стала бы уделом посредственных способностей». Рассуждение английского главнокомандующего может быть применено как к нему самому, так и к его противнику — генералу Роммелю, командующему войсками, наступаю-

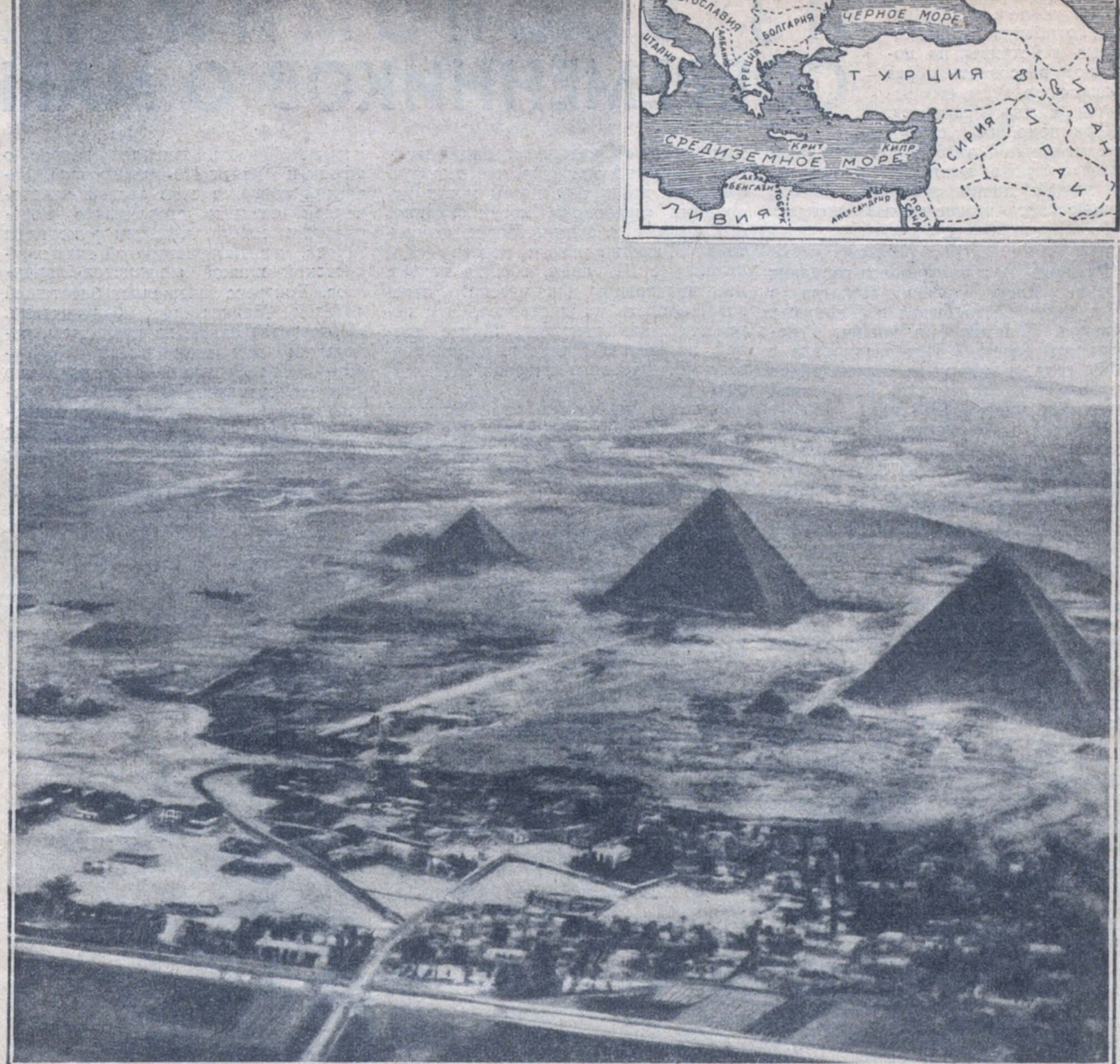
Район северной Греции, где развернулись основные бои между германскими и англо-греческими войсками.

щими на Египет. Для обоих эта операция связана с большим риском.

Как ни скудны сведения, получаемые с ливийско-египетской границы, всё указывает на то, что операции итало-германских сил в Западной пустыне преследуют очень широкие цели и были тесно связаны с операциями германских войск на Балканах.

Напомним нашим читателям, что движение английских войск, так называемой «армии Нила», с востока на запад началось 9 декабря прошлого года сражением у Сиди-Баррани. Через два месяца, 6 февраля, английские войска взяли Бенгази и продвинулись далее, до Эль-Агейла. Во второй половине марта заметно усилилась активность германских и итальянских разведывательных отрядов на границе Киренаики и Триполитании. Основные силы «армии Нила» в это время уже находились в Абиссинии и в Греции. 25 марта, когда германский моторизованный отряд занял Эль-Агейла, он здесь нашел груду пустых банок из-под консервов, разбитый грузовик и... ни одного английского солдата. В Киренаике в это время едва ли находилось больше одной—двух английских дивизий.

В начале апреля британские войска оставили Бенгази. С этого времени начинается стремительное движение с запада на восток. Если наступление англичан продолжалось два с лишним месяца, то их возвращение на исходные позиции, в район Соллум—Сиди-Баррани, потребовало не более 12—15 дней. За это время германские и итальянские мотомеханизированные колонны прошли свыше 900 километров по Ливийской пустыне.



В Нильской долине. На переднем плане: Суэцкий канал. Справа: пирамиды. Вверху: схема Восточного бассейна Средиземного моря.

3. НА ПОРОГЕ НИЛЬСКОЙ ДОЛИНЫ

С того момента как германские и итальянские моторизованные колонны перешли ливийско-египетскую границу, вновь возникла угроза глубокому тылу всего британского фронта на Ближнем Востоке; можно сказать, что движение войск генерала Роммеля представляет собой глубокий обход английской армейской группы на Балканах с тыла. Если германским и итальянским войскам удастся продолжить свое наступление, то под ударом может оказаться Александрия — база английского флота на Средиземном море — и Порт-Саид, находящийся в устье Суэцкого канала. Это поставило бы под угрозу возможность снабжения балканского фронта Великобритании и ее союзников. Наступление итало-германских войск на восток следует рассматривать не с точки зрения непосредственных его успехов — какую, в самом деле, цену имеет песок Западной пустыни! Значение этого наступления состоит в том, что оно оказывает сильнейшее давление на всю систему обороны Британской империи.

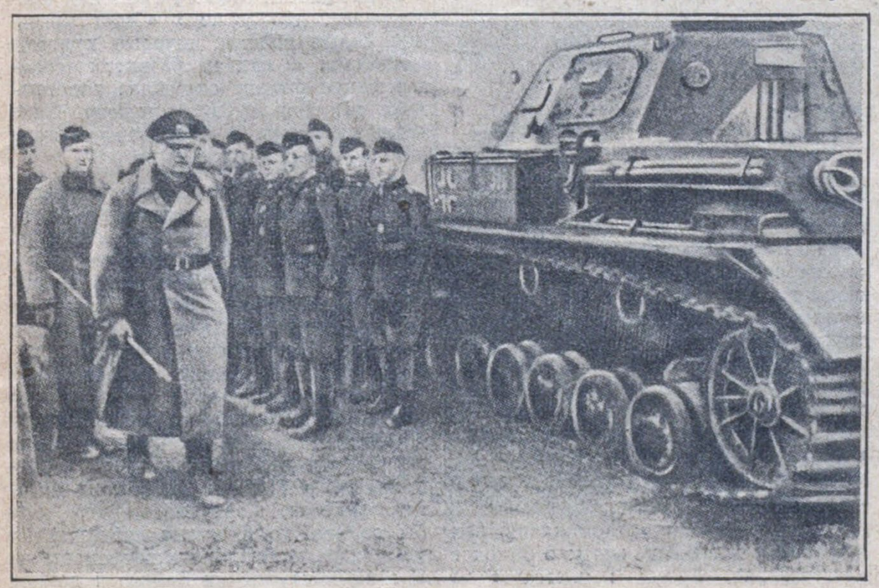
Основой этой системы является Восточный бассейн Средиземного моря. Цель германского командования — вытеснение британского флота из этого бассейна. Угроза главной базе флота — таково средство, которое избрано германо-итальянским командованием.

История войн знает немало примеров, когда морские крепости, служившие одновременно главными базами флота противника, были взяты с суши. Так было, например, в феврале 1895 года, когда 24-тысячная японская армия взяла Вей-хай-Вей, служивший тогда главной базой китайского флота. Через 9 дней китайский флот капитулировал. Спустя 3 года американские войска осадили во время испано-американской войны Сант-Яго на острове Кубе. Здесь находилась испанская эскадра под командованием адмирала Сервера. Осада продолжалась 22 дня. Осадная армия насчитывала 27 тысяч человек. 14 августа Сант-Яго капитулировало. В 1905 году с суши был взят Порт-Артур; правда, осаждающий потерял при этом 112 тысяч человек. В 1914 году англо-японская десантная армия взяла с суши базу германской тихоокеанской эскадры — Циндао.

Силы, которыми располагает генерал Роммель, едва ли достаточны для правильной осады Александрии. Поэтому стремительно прорывавшиеся на восток германские мотомехколонны могли сделать попытку захватить базу британского флота на Средиземном море «сналету». Такая попытка, как известно, была сделана армией Ноги в 1904 году, но она потерпела неудачу, и осада Порт-Артура затянулась на 7 месяцев.

Так или иначе, продвижение итало-германских войск на восток означает борьбу за базу британского флота и за Суэцкий канал. От Мерса-Матрух, куда отступили английские войска, до Александрии около 270 километров, до Порт-Саида, в устье Суэцкого канала, около 360 километров. Таким образом, оба эти пункта находятся в пределах досягаемости авиации с новых аэродромов, захваченных германскими и итальянскими войсками на границах Египта. Командующий британским флотом на Средиземном море адмирал Кенингхэм теперь, видимо, ожидает с нетерпением сообщений о том, что в Абиссинии южная британская армейская группа, которой командует его брат генерал Кенингхэм, настигла остатки итальянской армии и покончила с ними. Весь вопрос теперь сводится к тому, как скоро генерал Уэйвелл сможет перебросить освобождающиеся в Абиссинии войска обратно, на фронт в Северную Африку.

Самая переброска не связана с какими-либо затруднениями, так как к услугам британского главнокомандующего удобный морской путь из портов на побережье Красного моря в Александрию. Расстояние, которое разделяет эти порты от Александрии, не превышает 1500 миль. Это 8—10 дней пути. В эти 10 дней и должна развернуться одна из самых важных и поучительных кампаний в борьбе за господство в зоне Средиземного моря.



Генерал-фельдмаршал Лист инспектирует германскую бронетанковую часть.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ О МАРКСЕ

О Марксе сохранилось очень мало воспоминаний, особенно таких, которые действительно помогают воссоздать образ Маркса во всем его величии и многогранности.

При подобной скудости мемуарной литературы о Марксе каждая строка, вышедшая из-под пера людей, лично знавших Маркса, приобретает чрезвычайный интерес.

★

Русский революционер-народник Герман Александрович Лопатин в 70-х годах часто бывал в Лондоне у Маркса. Лопатин был членом Генерального совета I Интернационала с 1869 года и одним из переводчиков первого тома «Капитала» на русский язык. Он умер в 1918 году.

Незадолго до смерти Лопатина его посетил Неведомский, который после этого опубликовал свою беседу с Лопатиным. В ней говорилось о знакомстве и встречах русского революционера с Карлом Марксом. Неведомский пишет: «Принужденный бежать из России и поселившись в Париже, Лопатин становится членом Интернационала и здесь сталкивается с эльзасцем Келлером, который, владея как немецким, так и французским языками, явился одним из первых пропагандистов марксизма среди французской молодежи». Вскоре затем Лопатин уезжает в Лондон и при отъезде из Парижа получает поручение — передать книгу семье Маркса.

«И вот 20-летний юноша переступает порог уже маститого тогда — 52-летнего ученого. Но чуть ли не с первого же «визита» проводит у него почти весь день и вскоре, обласканный семьей, бывает у них запросто, как «свой», хотя и не умеет толком изъясняться ни на одном из тех многочисленных наречий, которыми владела семья Маркса».

Лопатин рассказывал о том, что «живой, обширный, вечно деятельный ум Маркса действовал на собеседника, как кремень на огниво; он вызывал к жизни в уме собеседника идеи, которые, быть может, остались бы иначе под спудом».

Иногда Маркс брал Лопатина с собой на послеобеденную прогулку по Лондону. Во время прогулки «беседа не прерывалась ни на секунду. Самые разнообразные темы входили сюда: и мировая литература, которую Маркс не по-дилетантски, а серьезно изучал на всех «двунадесяти» языках, которыми владел в совершенстве, и история... Маркс все знал и из всего извлекал ценные выводы. Что же говорить о годах и эпохах, им лично пережитых: тут его осведомленность в области общественных и политических фактов, как и в области лично-биографической, была совершенно исключительною».

По рассказам Лопатина, «Маркс добродушно относился к затруднениям своего собеседника, когда тот ни на одном из трех иностранных языков, которыми одинаково плохо тогда владел, не умел выразить своей мысли и прибегал к мимике, к щелканию пальцами — тому вечному жесту людей, когда они не находят нужного слова».

Однажды, в такой момент, Маркс остановился и, как бы довольный осенившей его мыслью, посоветовал:

— Да говорите вы на латинском — это же лучше всего!

И был очень удивлен и огорчен, узнав, что русские студенты, окончившие классическую гимназию, не умеют изъясняться по-латински».

Работа над переводом I тома «Капитала» давалась Лопатину нелегко. Он очень долго сидел над первыми двумя главами. Его затрудняла терминология «Капитала», и однажды он даже выразил опасение, что для русского читателя эти главы могут послужить «препоной», могут охладить его интерес к книге. Маркс посоветовал Лопатину начать перевод «Капитала» с III главы, обещая первые две переделать для русского перевода, сделать их доступнее. Эту переделку, как известно, Маркс сделал, но не для русского, а для первого французского издания «Капитала».

Лопатин вспоминал, что Маркс не раз высказывал свое глубокое уважение к Чернышевскому, как к революционеру, и очень ценил его, как экономиста.

Маркс на трибуне.

Рис. Н. Жукова

На Лопатина Маркс произвел глубокое впечатление. По его словам, Маркс «соединял с научной объективностью дух подлинного революционера».

Маркса очень радовал интерес к «Капиталу», проявленный в России. «Вы знаете, какой капитал я нажил на «Капитале»?»—спросил он однажды Лопатина. И сам на это ответил: «Ровно 85 марок!»

★

Около десяти лет тому назад на голландском языке были опубликованы воспоминания некоего Гааксмана, присутствовавшего на Гаагском конгрессе I Интернационала в 1872 году[1] в числе публики, заполнявшей галерею.

Это был конгресс, на котором, по словам Маркса, решался вопрос о жизни и смерти Интернационала. Гаагский конгресс стал ареной ожесточенной схватки сторонников Генерального совета, которым руководил Маркс, и антипролетарской, антимарксистской кликой анархистов-бакунистов. Конгресс завершился блестящей победой Маркса над бакунистами. «Присутствовавшие на последнем, решающем заседании члены Коммуны,— писал Энгельс,— говорят, что ни одно заседание Коммуны не производило на них такого потрясающего впечатления, как этот суд над предателями европейского пролетариата».

Гааксман вспоминает, что уже самое известие о созыве конгресса Интернационала в Гааге вызвало переполох в сонной нидерландской столице. «Мирные бюргеры испугались не на шутку, когда услыхали, что сюда должен прибыть Карл Маркс со своими приверженцами, в числе которых находились несколько членов Коммуны, державшей за год до этого в своих руках Париж. Все газеты яростно полемизировали между собою, высказываясь за или против конгресса. Да и иностранные правительства очень занимал вопрос о съезде коммунистов в Гааге. Хотя этот вопрос надлежало разрешить нидерландскому министру юстиции г-ну Иоллесу, все же иностранные правительства считали необходимым следить за происходящим. Из Парижа был командирован в Гаагу начальник политической полиции. Германией, Австрией и Россией были точно так же посланы агенты для того, чтобы следить за дебатами и доносить о них».

Нелегко было найти в Гааге помещение, где мог бы заседать конгресс. Хозяева города наотрез отказывались предоставить какой-либо из городских залов в распоряжение страшного Интернационала. Пришлось снять помещение кафе на улице Ломбардстраат. «Я очень хорошо помню,— пишет Гааксман,— какой вид имел этот зал и самый конгресс. У двух стен находились трибуны: одна была занята прессой, другая — публикой (плата за вход — 50 сентов). Напротив трибуны прессы, в стене повыше, находились два раскрытых окна, через которые виднелось нечто вроде театра марионеток — каморка на антресолях, где помещались господа из внутренней и зарубежной полиции, а также семья хозяина, с комфортом прихлебывавшего кофе и с большим удовольствием созерцавшего зрелище, как из оперной ложи. Зал внизу был разделен пополам рядом садовых скамей. Перед скамьями помещался «парламент Коммуны», как его тогда немедленно окрестили газеты. Председатель Ранвье заседал вместе с переводчиками за круглым столом без традиционного зеленого сукна».

Внимание публики, посещавшей заседания конгресса, было, конечно, приковано к фигурам членов Парижской коммуны, недавняя история которой еще свежа была у всех в памяти. Но, отмечает Гааксман, «хотя Маркс не принимал прямого участия в Коммуне, его фигура привлекала к себе не меньше внимания, ибо о нем известно было, что он являлся идейным вождем, душою движения. Кроме того посвященные знали, что в Интернационале уже обозначился раскол, и главный вопрос, стоявший перед конгрессом, касался полномочий Генерального совета... Хотя Маркс не принимал почти никакого участия в прениях, по крайней мере на открытых заседаниях, он непрерывно совещался с председателем Ранвье и ни на одно мгновение не прекращал руководства конгрессом. Маркс был главой Интернационала, и Бакунин был вынужден отступить перед ним».

О внешности Маркса Гааксман припоминает, что у него «были красивые седые волосы, которые кудрями ниспадали с сильно развитой головы; седая борода окружала подбородок; верхняя губа украшена была черными усами, в описываемую пору уже с сильной проседью».

Сторонников Маркса на конгрессе автор воспоминаний называет «коммунистами». В его памяти особенно запечатлелось заключительное заседание конгресса. «То и дело прерываемые репликами, Вайян и другие огласили тезисы, между прочим, о том, что Парижскую коммуну погубила мягкость самих рабочих, что Интернационал преследует политику революции, политику освобождения пролетариата, что Коммуна не была достаточно авторитетна и мало сделала, что в Париже было мало организованности. Говорилось, что если бы не это, то Коммуна победила бы в Париже, в Берлине и повсеместно». В этом выступлении Вайяна и других нетрудно обнаружить прямое влияние Маркса и его труда «Гражданская война во Франции».

[1] По-русски эти воспоминания, как и упомянутый выше очерк о Марксе и Лопатине, будут напечатаны во 2-м издании сборника «Воспоминания о Марксе», подготовляемого к печати под редакцией М. Зоркого.

Литературные новинки

«ИЗ ИСКРЫ — ПЛАМЯ»

С. Голубов написал роман для юношества о восстании 14 декабря 1825 года[1].

Восстание декабристов не однажды было темой произведений русских писателей и поэтов. Достаточно назвать вдохновенную поэму Некрасова «Русские женщины». Современные писатели тоже

С. Голубов.

избирали темой восстание декабристов: Тынянов написал роман о Кюхельбекере, друге Пушкина, один из выдающихся наших поэтов, Н. Асеев, написал о декабристах прекрасное стихотворение «Синие гусары».

С. Голубов вывел в своем романе декабриста Александра Одоевского—пламенного революционера, романтика, высоко одаренного поэта.

«Из искры возгорится пламя» — эти пророческие слова декабриста Одоевского взял В. И. Ленин эпиграфом к большевистской «Искре».

Нужно было иметь высокую, нерушимую веру в русский народ, чтобы в сибирских рудниках, под кандальный звон мечтать о том времени, когда «из искры возгорится пламя».

Одоевский был потомком древнего княжеского рода, сыном жестокого крепостника-помещика, офицером гвардии, но все это не помешало ему со всей страстью молодой души ненавидеть казарменный, палочный режим Николая I и участвовать в восстании. Он был одним из тех декабристов, которым особенно жестоко мстил царь Николай.

Безвестная могила Одоевского стерта с лица земли, затерялась на Черноморском побережье Кавказа, но память о благородном поэте-декабристе жива в народе.

С. Голубов — один из интереснейших наших писателей, работающих в области исторического романа. Он знает эпоху, характеры людей начала XIX века, знает идеи, которые увлекали передовых людей. Голубов тонко знает и особенности быта, начиная с солдатской николаевской муштры, так называемой ремешковой дисциплины, и кончая модами того времени и вкусами, царившими в высшем обществе. Это придает книге Голубова познавательную ценность.

Автор книги «Из искры— пламя» не увлекся чрезмерной стилизацией языка своих героев. И это правильно. Надо глубже и правдивее живописать человеческие образы, и тогда читатель будет верить каждому слову героя вне зависимости от того, сохранились ли в его речах галлицизмы и устарелые обороты или не сохранились.

Можно упрекнуть Голубова в том, что образ декабриста Завалишина—«Командора Рохуса Пумперникеля» — смутен, неясен, что есть некоторое однообразие в типах крепостных людей, солдат, выведенных в романе, в особенности, если сравнить «Из искры—пламя» с ранее выпущенным романом того же автора «Солдатская слава».

Но есть у Голубова страстность и драматизм в описаниях людских страданий, есть обличительная сила в описаниях тиранов и палачей эпохи Николая Палкина.

О самом Николае I у Голубова сказано так: «...Его гладкий и чистый лоб, безупречно прямой нос, красивый рот—все антично правильное лицо было бледно и странным образом походило на репу. Выражения строгое, торжественное и снисходительное беспрерывно на нем сменялись. Можно было подумать, что император просто с ловкой незаметностью надевает на лицо то одну, то другую, то третью маску, а ненужные прячет куда-то под воротник».

Менее удачно из-за своей литературной вычурности описание фигуры Аракчеева: «...поднималась с седла змеиная фигура артиллерийского генерала. Она походила на длинный, нескладно написанный, лживый рапорт...»

Горестная судьба Одоевского глубоко трогает читателя. В рудниках Сибири, под яхонтовым небом Кавказа Одоевский понимает ужас и безнадежность положения передовых людей своего века, оторванных от народа и ненавидимых толпой титулованных лакеев и казнокрадов, стоящих у трона.

В гибели своего друга — гениального Грибоедова — Одоевский видел и свой близкий конец. Одоевский погиб от злокачественной лихорадки на форту Лазаревском незадолго до того, как этот форт взяли штурмом восставшие горские племена.

Роман С. Голубова — хорошая и полезная книга. Читатель узнает из этой книги о судьбе революционных романтиков, какими были вместе с Одоевским поэт Рылеев, братья Бестужевы и Кюхельбекер, и узнает о причинах поражения этих благородных, передовых людей своего времени.

Л. НИКУЛИН

[1] С. Голубов «Из искры — пламя». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1940.

ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Среди латышских писателей, которые в недавнем прошлом были открытыми или скрытыми противниками антинародного, ульманисовского режима, особенно характерной и сильной фигурой является Вилис Лацис. Он средних лет, высок, крепок, в его физиономии и жестах есть что-то мужественное. Широко известен его роман «Сын рыбака». Есть у Лациса еще несколько романов. Трудоспособность его колоссальна: он пишет не менее одного романа в год.

Фильм, сделанный по роману «Сын рыбака», прогремел в Прибалтике, что было большой неожиданностью для господ министров, не любивших Лациса за независимость суждений. Когда успех фильма в народе определился, господа министры взяли фильм под свое покровительство, и газеты протрубили славу ему, не называя, впрочем, имени Лациса — автора романа.

Вилис Лацис.

Лациса я узнал по рассказу «Четыре поездки», который напечатан в № 1 литературно-художественного и общественно-политического журнала «Советская Латвия», издающегося в Риге на русском языке. Рассказ превосходен.

На немногих страницах рассказана судьба нескольких поколений рыбацкой семьи, и как рассказана! Перед нами проходит мир работников моря, их колоритный быт, определяемый капризами моря, их простая, грубоватая любовь, откровенная ненависть. Идея рассказа — вечность стремлений человека к лучшей жизни — волнует читателя, потому что она воплощена в образы людей с могучими натурами, чьи страсти сильны, поступки мужественны, мысли ясны.

Сейчас Лацис занят большой государственной работой: он председатель Совнаркома Латвийской ССР — и писать ему некогда.

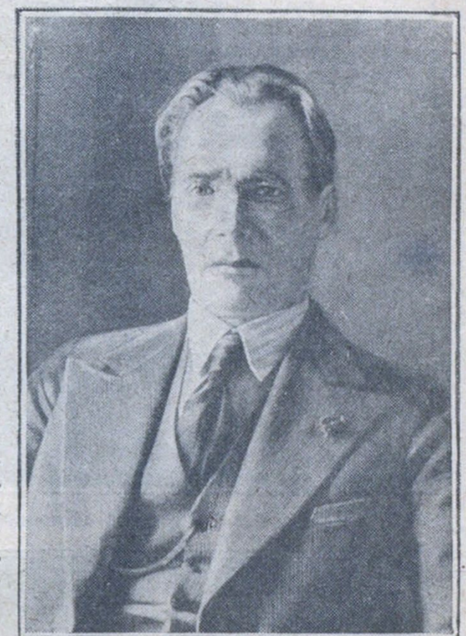
— Дайте мне месяц свободного времени,— говорит Лацис,— я напишу пьесу о современности и ручаюсь, что она будет неплохой.

Этому можно верить: у писателя огромный жизненный опыт, он жил и живет среди народа, живет чаяниями и делами его.

Из писателей старшего поколения самый уважаемый и читаемый — Андрей Упит. Многие вещи Упита стали классическими, они вошли в школьные хрестоматии. Книги его, печатаемые сейчас Государственным издательством Латвии, нашли свой настоящий путь к читателю. В том же первом номере «Советской Латвии» опубликованы страницы романа Упита «Улыбчивый лист». Страницы эти принадлежат перу зрелого мастера, реалиста, замечательного знатока народной жизни.

Из совсем молодых литераторов мне знакомы Янис Ниедре и Жанис Спуре.

Ниедре напечатал в «Советской Латвии» рассказ из тюремной жизни



Андрей Упит.

«Так погиб человек». В рассказе дан глубокий анализ психики человека, затравленного плутократическим режимом, задавленного тюрьмой, замученного пытками. Рассказ производит сильное впечатление. Чувствуется, что это быль, что человек, о котором идет речь в рассказе, сидел с автором его — Янисом Ниедре — в одной тюремной камере.

Рассказ Жаниса Спуре «Последняя граната» — серьезная художественная работа. В рассказе потрясает сцена расстрела белогвардейцами вагона, наполненного ранеными красными бойцами — латышскими стрелками.

Кроме Лациса, Упита, Ниедре и Спуре надо упомянуть таких литераторов Советской Латвии, как Балодис, Ванагс, Вилипс, Григулис, Пладис. Эти художники слова успешно творят новую, советскую латышскую литературу.

Н. ВИРТА

Искусство

«ДОН-КИХОТ»

(Постановка Академического театра драмы имени А. С. Пушкина)

Значение таких пьес, как «Дон-Кихот» Мих. Булгакова, в том, что они стремятся приблизить широкие массы к пониманию великих памятников мировой литературы. Правда, в пьесе использована только малая часть сокровища, созданного Сервантесом. Остается в силе вопрос о том, в какой мере вообще пригоден «Дон-Кихот» для сцены, не снижается ли высокий строй бессмертного романа неизбежной «конспективностью» спектакля. И все-таки попытка показать «Дон-Кихота» на сцене заслуживает глубочайшего внимания.

Успех спектакля (постановка В. Кожича, режиссер — А. Даусон) обеспечивает прежде всего благородная и тонкая игра народного артиста РСФСР Н. К. Черкасова. Принято считать, что Дон-Кихот стоит на рубеже великого и смешного, на расстоянии полушага от того и другого,— Черкасов же создал трогательный и монументальный образ из сочетания великого и печального. Несмотря на то что пьеса подчеркивает явное «помрачение ума» злополучного гидальго, артист мудро отказался от какого-либо оттенка патологии в трактовке Дон-Кихота.

Перед нами рыцарь без страха и упрека, пламенный мечтатель, странствующий энтузиаст. Исключительно выгодная для данной роли фигура артиста и превосходный грим вызывают в памяти чудесные иллюстрации Гюстава Доре, с правомерным вычетом того комизма, который есть в рисунках Доре.

Вся «нагрузка» юмора пришлась на долю Санчо-Панса — народного артиста РСФСР Б. А. Горина-Горяинова, сумевшего блестяще использовать все комические детали своей роли и вместе с тем показать хорошее, большое сердце крестьянина, ставшего верным оруженосцем «рыцаря печального образа».

Художник спектакля С. Юнович и автор музыки А. Животов проявили в своей работе такт, созвучный всему замыслу постановки. В декорациях спектакля не заметно большой изобретательности, но, к счастью, нет и пестроты и пышности, которые здесь были бы неуместны. Мягкая, лирическая гамма пейзажей отвечает стилю пьесы Булгакова, менее богатой яркими красками чем роман Сервантеса.

Э. ГОЛЛЕРБАХ

Дон-Кихот — народный артист РСФСР Н. К. Черкасов, Санчо-Панса — народный артист РСФСР Б. А. Горин-Горяинов.

ХУДОЖНИКИ ТАДЖИКИСТАНА

Художник В. Сидоренко. «Пионерка».

Около тысячи образцов народного творчества и около двухсот картин таджикских и русских художников собраны сейчас в залах Государственного музея восточных культур, где открылась выставка изобразительного искусства Таджикистана. Среди участников выставки не только зрелые мастера, но и художники-самоучки, а также ученики художественной школы в Сталинабаде.

Естественен живой интерес к этой выставке. На ее стендах отражен расцвет культуры и искусства народа, который до революции был обречен на темноту, невежество и вымирание.

Таджикский орнамент.

Фрагмент панно (набойка). Работа Рахима Юлдашева.

Художник Б. Шахназаров. «Таджик».

НАТАЛЬЯ ШПИЛЛЕР

Наталья Дмитриевна Шпиллер — самая молодая в списке мастеров советской оперы, награжденных сталинскими премиями.

Исполнительскую манеру Н. Д. Шпиллер характеризуют глубокая простота и естественность. Артистка продолжает в своем творчестве лучшие традиции русского вокального искусства.

Из года в год Н. Д. Шпиллер расширяет свой оперный и камерный репертуар. Ее последнее достижение — партия Зиглинды в опере «Валькирия» Вагнера. Критика единодушно отметила удачу артистки.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КИШИНЕВА

После освобождения Бессарабии в Кишиневе возникла консерватория. Прежде это было музыкальное училище, доступное лишь богатым слоям населения. Училище не пользовалось никакой поддержкой и заботой румынского правительства. Композиторы имели возможность печатать только фокстроты. Впрочем, во время Парижской выставки 1937 года правительство проявило своеобразную «заботу» о своих талантах: известный композитор Няга был послан в Париж «представлять» румынскую музыку в ресторане павильона.

В новых условиях музыканты Кишинева с энтузиазмом ведут творческую работу: композитор Няга задумал оперу из недавнего героического прошлого молдавского народа; композитор Герцфельд пишет музыку к нескольким постановкам Государственного драматического театра; другие композиторы работают над песнями, ораториями и т. д.

Здесь много отличных музыкантов-исполнителей. Достаточно указать на эмигрировавшего из Бухареста скрипача-виртуоза Каганова, превосходного гобоиста Фурмана, игравшего много лет с знаменитым дирижером Клемперером.

Б. ГЕНДЕЛЬ

ФИЛЬМ-СКАЗКА

Актеры этого фильма требуют множества забот и внимания. Вокруг съемочной площадки «Мосфильма» ходит воспитательница в белом халате и все поглядывает на часы. Дети сейчас будут сниматься. Как только истечет четвертый час их работы, детей отве-

Кадр из фильма «Волшебное зерно». В саду Кара-Мора. Андрейка — Вова Тумаларьян, Кара-Мор — артист А. Кельберг.

зут домой. Там их уже ждут преподаватели.

Так организована жизнь детей — юных героев фильма-сказки «Волшебное зерно».

В фильме (сценарий А. Симукова, постановщики — В Кадочников и Ф. Филиппов) рассказывается о том, как дети, вопреки злой воле царя Кара-Мора, вырастили из чудесного зерна сахарную свеклу. История эта полна драматизма. Герои преодолевают сотни препятствий. Среди действующих лиц фильма: солнце, ветер, мороз, вредители полей — долгоносики, — слуга царя Кара-Мора — «человек-крыса» — и др. Участвуют в фильме и такие персонажи, как кот Флегонт и сорока-белобока.

Перед постановщиками фильма ежедневно возникают трудные задачи. Надо, например, установить, как «разговаривает ветер», надо заставить с чувством сыграть свою роль ленивого кота Флегонта, дисциплинировать болтливую сороку-белобоку.

Кота заставил играть ученик Вл. Дурова Г. Алексеев. Злой Живоглот превратился в крысу и спрятался в печку. Дети открыли заслонку, и оттуда вышел кот. Он потянулся, сел на загнетке и начал умываться, да так, что всем стало ясно: погиб Живоглот, человек-крыса.

Коты почти не поддаются дрессировке. Долгие дни проводил дрессировщик с глазу на глаз с котом. Он не мог приказать ему сделать то или иное движение, нужное по ходу роли. Приходилось ждать, пока кот начнет, скажем, умываться. За это он получал кусок мяса. После следующего умыванья кот снова получал подачку. Так выработался рефлекс. Кот умывается перед едой, а мы, глядя фильм, будем считать, что он уже закусил Живоглотом.

Сорока привыкла голодать в зимнюю пору и легко обходится без пищи. Ее пришлось делать послушной с помощью воды. Теперь она взлетает на указанное дерево, по команде щебечет, по команде перестает щебетать.

Сорока совсем не боится режиссера, операторов, осветителей и, как заправская актриса, поддерживает общий ансамбль.

Создавать сказочные чудеса помогает современная техника. Мастер трюковых съемок Б. Горбачев хлопочет у игрушечного замка. Он требует, чтобы осветители переставили софиты и прожекторы, бутафоры подтянули подъемный мост. За зубчатой стеной замка вспыхивает экран — и вот по небу плывут грозовые облака и седые туманы. Идет съемка сцены «проход долгоносиков». Я не могу удержаться от вопроса:

— А где же долгоносики?

— Здесь, — положив руку на съемочный аппарат, говорит Горбачев.

Я взглянул в глазок, и мне открылось невиданное зрелище: от подножья грозного замка, возвышающегося на скале, шла страшная рать чудовищ — долгоносиков. Они уже сняты на прозрачную пленку. Сняты так, что их фигурки точно вмонтировались в дорогу.

В. СУХОВ

Искусство

Хореографическая сценка «На старом скетинг-ринге» в исполнении А. Седляровой и А. Смолко.

Фото С. Шингарева.

У НАС В СТУДИИ

Все знали Юрия Хржановского, молодого артиста эстрады, талантливо изображавшего... собаку. Обыкновенную собаку, которая участвовала в сценке Чехова «Разговор человека с собакой» и в других эстрадных номерах с «собачьим лаем».

Делал это он здорово, но в конце концов заскучал.

На помощь пришла Всесоюзная студия эстрадного искусства. Она открыла в Хржановском ряд других способностей и талантов.

Создать новый эстрадный номер — значит прежде всего открыть личные, индивидуальные способности исполнителя.

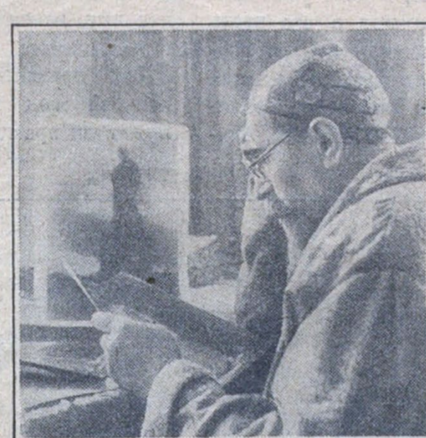
«Джаз-экономик». Артисты К. Бобров (справа) и М. Гринвальд.

В таком деле неизбежны ошибки. И здесь не обойтись без поисков, экспериментов.

В этом принципиальная необходимость существования Всесоюзной студии эстрадного искусства, организованной полгода назад и уже сумевшей показать несколько своих первых работ.

Художественный руководитель студии Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

В МАСТЕРСКОЙ С. Д. МЕРКУРОВА



Лауреат Сталинской премии С. Д. Меркуров за отбором фотографий со своих работ для выставки.

Многочисленные посетители Всесоюзной сельскохозяйственной выставки часто любуются простой и величественной скульптурной фигурой И. В. Сталина. Автора ее — Сергея Дмитриевича Меркурова — правительство наградило Сталинской премией. Широко известны и другие произведения Меркурова: скульптура Ленина в зале заседаний Верховного Совета СССР, памятники Толстому, Достоевскому, Тимирязеву.

...Красивая дача вблизи Измайловского парка в Москве. Открывая калитку, сразу попадаешь в необычный мир. Широкий двор усеян множеством скульптурных моделей.

В глубине двора нас встречает Сергей Дмитриевич Меркуров. Скульптор ведет нас в свою мастерскую.

Останавливаемся перед низким пьедесталом, на котором установлена двухметровая фигура В. И. Ленина. Сергей Дмитриевич рассказывает:

— Модель эта — эскиз 100-метровой фигуры Ленина над будущим зданием Дворца Советов. Мною изготовлен и другой эскизный вариант, величиной в один метр. Работа над фигурой Ленина была и остается наиболее сложной и ответственной моей работой в прошедшем и нынешнем годах.

Мы медленно идем от модели к модели. Поражает разнообразие тем, над которыми работает мастер.

Одна из интереснейших новых работ Меркурова — проект памятника Н. В. Гоголю в Москве.

— Я хочу показать подлинный облик великого писателя, книги которого любят миллионы советских людей, — говорит тов. Меркуров. — Известно, что старый памятник Гоголю не дает верный образ писателя.

Перед нами два законченных варианта будущего памятника. Гоголь воплощен скульптором в фигуре волевого, энергичного человека. Он стоит с книгой в руках; его взгляд устремлен вперед. Объемные фигуры героев гоголевских произведений размещены на переднем и заднем планах памятника.

Новые произведения лауреата Сталинской премии скоро украсят площади и сооружения советской страны.

А. МАРКОВ

С. Д. Меркуров показывает свои работы школьникам.

Фото Ю. Говорова.

ШЕКСПИРОВСКИЕ РЕЛИКВИИ

Вл. Лидин

В Стратфорде, на Эвене, по преданию, родился Шекспир. Предметный мир его эпохи бережет легендарное имя. Он сам походит на театральную постановку шекспировской пьесы — этот город, его дома XVI века, с их треугольными крышами и частыми переплетами окон, и предметы старинного обихода.

Черные бревна — основа стен — траурно украшают бедное и грубое жилище, в котором Шекспир родился и жил. Провисшие балки, источенная червями мебель, низкие потолки — все скудно и убого в этом доме, хранилище величайшего человеческого имени. Часто застекленные окна, сквозь которые не проникает свет, узкие улички города, ремесла столяров и кожевников, оставивших кожаные кувшины, оловянную посуду и мебель с изображением святых.

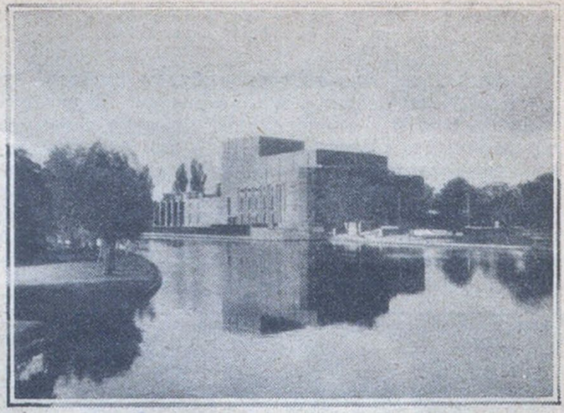
В пяти милях от города стоит дом Мери Арден, матери Шекспира. Превращенный в музей, он сберегает суровое и неприглядное прошлое. Очаг с железными котелками, в которых готовилась пища, оловянные тарелки, наследственные деревянные ложа крестьян, прялки и крысоловки, похожие на собачьи будки, и закрома, источенные червями. Во дворе в сарае земледельческие орудия: деревянный гигантский плуг, косы, которые больше походят на штыки, и предметы народного быта. Грубая, суровая земля вырастила Шекспира.

Неподалеку от родительского этого дома дом, в котором жила Анна Хетхевэй. Ничто не уцелело от личной жизни Шекспира, не сохранился даже портрет Анны Хетхевэй. Но в ее комнате, под крутым треугольником крыши, стоит узкая девичья постель, прикрытая соломенным тюфяком. Эта постель принадлежала в девичестве ей, дочери простых и незаметных людей, которой суждено было стать женой величайшего человека — Шекспира.

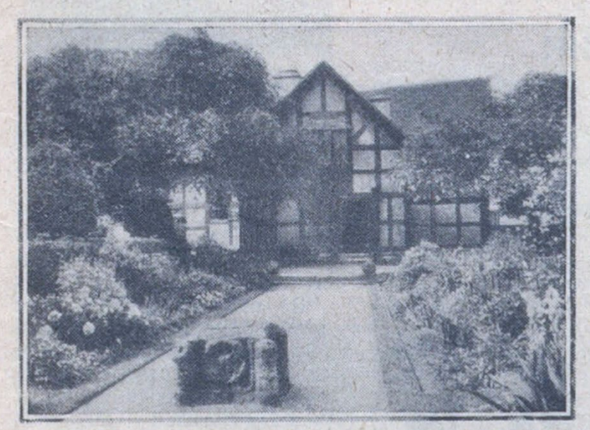
Благородство шекспировской речи звучит с подмостков нового театра, который носит название театра Шекспира. Ежегодно, в день рожденья Шекспира, страны мира поднимают в его честь свои флаги на центральной площади в Стратфорде. Англия XVI века возникает тогда на улицах города, которому выпала честь называться родиной Шекспира. Девушки в голубых платьях, елизаветинской эпохи, с золотыми сетками на головах раздают пучочки расцветшего вереска. Музыканты в красных с золотом куртках возглавляют торжественное шествие через город. Золотая тяжелая цепь с гербами и эмалевыми эмблемами, синяя мантия и длинная трость с набалдашником из слоновой кости служат признаком власти мэра города Стратфорда. Звучат фанфары, и флаги двадцати шести стран всползают на вершины матч. Может быть, справедливее всех признание народов Союза ССР, который столько раз в замечательных постановках прославил имя Шекспира.

Шествие направляется к кладбищу, расположенному высоко над Эвеном. Полурота британских солдат и школьники школы, в которой учился Шекспир, в соломенных шляпах и отложных широких воротничках, возглавляют шествие. Фисгармония оглашает стенаньем готические своды, под которыми в склепе находится могила Шекспира. Та же молодая страна, красный флаг которой был поднят на мачте, возлагает на доску, запечатлевшую великое и легендарное имя, венок из расцветшего вереска и красноватых цветов.

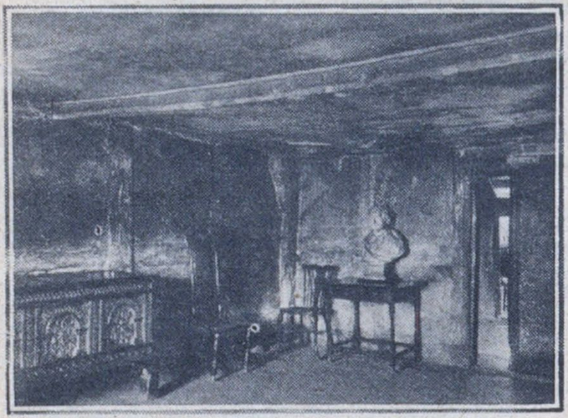
Так праздновался этот шекспировский день каждый год в течение многих десятилетий. Будет ли праздноваться в этом году—неизвестно.



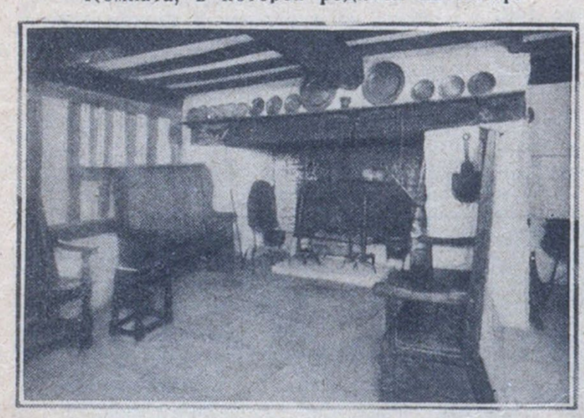
Театр памяти Шекспира в Стратфорде.



В этом доме в Стратфорде родился Шекспир.



Комната, в которой родился Шекспир.



В доме матери Шекспира.

Дом жены Шекспира.

Традиционное празднование дня рождения Шекспира в Стратфорде.

Хорошо ли вас обслуживают?

Энтузиасты социалистического обслуживания

Фото Е. Микулиной и С. Шенфельда.

Хорошее обслуживание — одно из ярчайших выражений культуры.

В предыдущих номерах «Огонька» были показаны образцы хорошего и плохого обслуживания.

Сегодня мы рассказываем о людях незаметных, будничных профессий: букинисте, фармацевте, счетном работнике. Каждому из нас приходится очень часто обращаться к представителям этих профессий.

←

1. Дмитрий Семенович Паншин — лучший букинист Москвы. Бригадир стахановцев в магазине № 18 Могиза, тов. Паншин имеет обширную и очень разнообразную клиентуру. Здесь и научные институты, и библиотеки, и отдельные лица: академики, профессора, музыканты, писатели, учащиеся, искусствоведы — все те, кто любят и знают книгу.

Среди букинистов тов. Паншин известен как знаток книги. И действительно, он всегда может дать исчерпывающую справку, помогает приобрести редкие книги, находит их. Он приветлив со своим обширным кругом покупателей, обладает исключительной памятью и делится своими знаниями с молодыми работниками—букинистами-книжниками.

←

2. Куликова-Смирнова Лидия Михайловна — одна из лучших фармацевтов в Москве. Работает ассистентом в аптеке № 1. За образцовую работу награждена наркомом значком «Отличник здравоохранения». Тов. Куликова-Смирнова делает в день 280—300 рецептов при норме 160 рецептов. Обрабатывая их, она заметила, что некоторые виды лекарств требуются очень часто. Лидия Михайловна изготовила полуфабрикаты, состоящие из двух и трех отдельных медикаментов, что намного ускорило процесс изготовления рецептов и улучшило качество лекарств. Тов. Куликова-Смирнова познакомила многих фармацевтов со своим методом работы. Она выезжает для инструктирования в другие аптеки и преподает в стахановской школе при аптеке № 1.

←

3. Шихонина Александра Михайловна — бухгалтер 2-го оперативного отдела правления Госбанка с 1937 года. Она прекрасно справляется с порученной ей работой и на протяжении четырех лет является отличницей расчетно-ссудной бригады.

Александра Михайловна работает сейчас бухгалтером; она перевыполняет норму на 120—130 процентов и служит примером для своих товарищей.

Свежая почта

Пусть не обижаются на нас тт. Саломея Нерис, Троицкая, Гризодубова, Виноградова, Лепешинская, Ковалинская, Федорова за то, что печатаем их фотопортреты в таком изуродованном виде. Объяснение они найдут в письме, полученном редакцией «Огонька»:

«Москва, 40. Улица «Правды», 24.

Редакция журнала «Огонек».

Уважаемый тов. редактор!

Прилагаю при сем журнал «Огонек» № 7, изуродованный сотрудниками Наркомпочтеля, которые безответственно, по-бракодельски, относятся к выполнению своих обязанностей и в таком виде мне, как подписчику, вручили его.

Прошу мне прислать другой журнал «Огонек» № 7, а себе оставьте для архива этот экземпляр, характеризующий работу сотрудников Наркомпочтеля.

Надеюсь, что Вы вышлете мне журнал и примете меры по линии Наркомпочтеля против бракоделов, уродующих Ваши издания. Мой адрес:

П/о А.-Мелентьево, Неклиновского района, Носовская МТС, Ростовской области. Старшему агроному ШУМИЛО В. О.

С тов. приветом

В. Шумило.»

22/III—41 г.

Что думает по поводу такого «обслуживания» народа Народный комиссариат связи?

С быстротой молнии

Рисунок Ю. Ганфа.

Молния — это электрический разряд между облаками или облаком и землей; продолжительность действия молнии—0,01—0,001 секунды. Отсюда и произошли выражения «молниеносно», «с быстротой молнии» и т. д.

Очевидно, застежка «молния» также получила это название за неслыханную быстроту работы своего механизма.

Вот об этой-то «молнии» и хочется сказать несколько слов.

Для красоты и удобства я вставила «молнию» в боты, в сумку, в муфту и в прочие предметы первой необходимости.

Жизнь моя с этого момента очень усложнилась...

Однажды «молния» на ботиках закапризничала и не открывалась — мне пришлось лечь спать в ботах.

Как-то в гостях мне понадобилось расстегнуть муфту. Это не удавалось. Присутствовавшие тут же инженер и юрист взялись за разные концы муфты и с силой стали тянуть ее каждый в свою сторону.

— Товарищи, — сказала я,— вы не привыкли к физическому труду, позовем дворника.

— Нет,— сказал упрямый юрист.

— Не нужно,— прохрипел самолюбивый инженер.

Трр-ррах... «молния» открылась. Инженер, обливаясь потом, упал... в руках его осталась какая-то штучка — основная часть этого сложнейшего из механизмов.

На другой день я купила новую «молнию».

Вечером в кино бессердечная билетерша говорила мне:

— Гражданка, поторопитесь, уже начинаем...

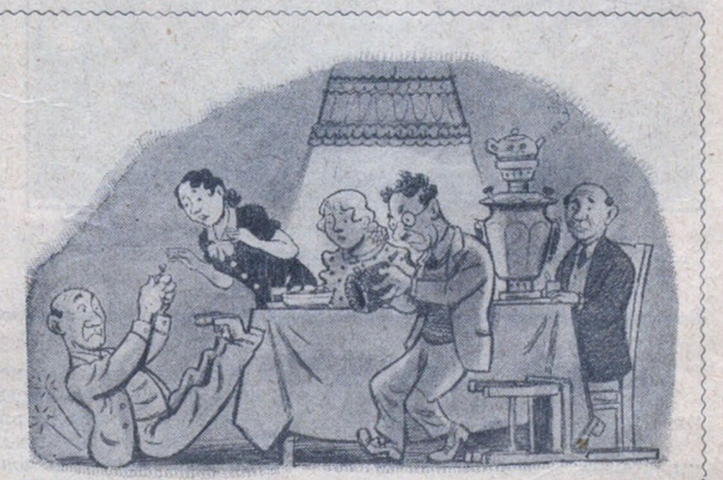
Билет был в муфте, застегнутой «молнией». Она открылась к концу сеанса.

Скверное исполнение застежки не соответствует ее гордому названию «молния».

Краткая и—увы!—полная характеристика такой продукции — «БРАК».

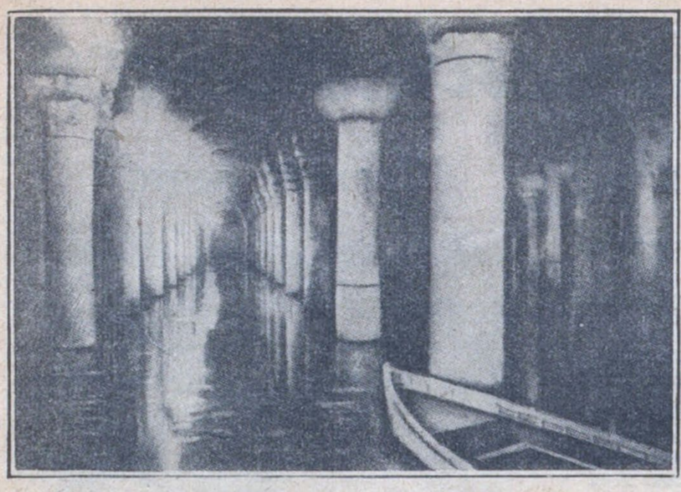
Речь идет о «молнии», изготовленной Мосштампом и одесским заводом «Большевик».

Евг. ЛИНЕЦКАЯ



Инженер, обливаясь потом, упал...

ЗА РУБЕЖОМ



Стамбул. Старинный грот, используемый в качестве бомбоубежища. Доступ возможен только по подземному озеру, под сводами, которые поддерживаются колоннами.

ДАЛЬНОВИДНЫЕ ДЕЛЬЦЫ

Редактор американского журнала «Американ бизнесс» встревожен бомбежкой заводов в Англии! Его беспокоят не потери друзей, а то, что «Англия собирается восстановить много промышленных предприятий, и эти новые заводы будут оснащены новейшим оборудованием, позволяющим выпускать дешовую продукцию».

«Где бы,— пишет дальновидный делец,— эти новые английские заводы ни были построены — в Канаде или в Англии,—они будут представлять собой явную угрозу американской торговле. Нам придется с ними конкурировать на послевоенных рынках. По словам Е. О. Шрива, вице-президента «Дженерал электрик компани», свыше 70% заводского оборудования в Америке работает уже более 10 лет. Мы должны помнить,—говорит Шрив,— что когда эта война закончится, нам придется — кто бы ее ни выиграл — столкнуться на мировых рынках с конкуренцией в отношении дешовой рабочей силы и новейшего оборудования. Великобритания устанавливает новое оборудование на своих заводах, закупая его в больших количествах у нас. Правда, значительная часть его взлетит на воздух, но то, что останется, несомненно, будет представлять собой последнее слово техники».

«Наша политика в 1941 году,— приходит к выводу автор,—должна сводиться к максимальному обновлению оборудования наших заводов... Не следует себя обольщать надеждой, что мы перенесем предстоящую депрессию (имеется в виду экономический кризис 1929 года.— **Ред.**) с тем же оборудованием, которое служило нам в годы последней депрессии».

Остается добавить, что журнал «Американ бизнесс» существует на средства, получаемые от рекламирования американских машиностроительных фирм.

Англия. Береговая батарея тяжелого калибра на восточном побережье. Приемка снарядов.

ОКОННОЕ СТЕКЛО

Что такое оконное стекло для англичанина? «Обыкновенный материал, который до сих пор воспринимался, как нечто само собой разумеющееся, в недавнее же время стал привлекать к себе — и довольно назойливо—всеобщее внимание»,— так пишет «Таймс» в одном из своих передовых фельетонов, специально посвященной оконному стеклу.

Раньше, до войны, пишет газета, англичане смотрели с уважением только на цветные стекла в окнах готических церквей да в вестибюлях особняков. «Все остальные стекла были просто стеклами, пока мы не начали оклеивать их полосами бумаги, или обмазывать жидкостью, пахнущей грушевой эссенцией, или закрывать решоткой, или заменять досками, линолеумом, парусиной. Тогда они стали интересными сами по себе. Зеркальное стекло магазинной витрины было просто-напросто чем-то, **через что** смотрят. А маленький квадратик стекла посредине обширной доски — это уже нечто, **на что смотрят**».

Далее фельетонист делает краткий экскурс в историю стекла в Англии, доказывая, что в этой области англичане многим обязаны своим нынешним противникам — немцам, особенно средневековым мюнхенским мастерам. «Вопрос о том, хорошо ли, что рука, которая дала, должна также отнимать, предоставляется разрешать искусствоведам,— говорит он в заключение.— Для широкой же публики достаточно отметить весьма примечательное прежнее и нынешнее влияние Германии на оконное стекло в Великобритании— влияние, которое теперь, пожалуй, является до некоторой степени взаимным».

БАЛЕТ СМЕРТИ

Американские зрелищные предприниматели изобрели хореографический скетч «Рейд пикирующего бомбардировщика». На снимках последовательно изображены основные положения этого скетча: «старт», «пике», «выход из пике» и «благополучная посадка» — в исполнении танцовщицы Мэри Боллинджер.

ЛИЧНАЯ ГВАРДИЯ ПЕТЭНА

По сообщению американского агентства Юнайтед пресс, в Виши сформирован отряд личной гвардии маршала Петэна. Этот отряд, носящий название «Груп де протексьон дю шеф д'эта», состоит из двухсот бывших сержантов, получивших на войне высшую награду «Круа де герр» (военный крест) либо «Медай милитэр» (военную медаль).

Отряд, возглавляемый капитаном, имеет специальную форму: черный мундир и шлем танкиста из стали и кожи.

ГОЛУБИ НА ВОЙНЕ

По данным английского министерства авиации, в английском военно-воздушном флоте «служат» в качестве связистов 500 тысяч почтовых голубей.

Ежедневно 2 тысячи голубей совершают рейсы между самолетами, патрулирующими в открытом море и над побережьем Англии.

Экипаж самолета отправляет голубеграмму в тех случаях, когда радио отказывает, либо, когда самолет не хочет выдать себя противнику радиограммой, хотя бы и зашифрованной.

Голуби часто показывают изумительные примеры выносливости.

Во время операции английских самолетов у Скандинавского побережья экипаж самолета, вынужденного подняться на высоту 4 тысяч метров из-за снежной бури, выпустил голубя с донесением. Повидимому, голубь почувствовал себя неважно на такой высоте: он ринулся камнем вниз в бушующее море снежных облаков.

Все сочли его погибшим. Однако через три дня голубь вернулся на свою базу. Для этого ему пришлось в снежную бурю, преодолевая встречный ветер, пересечь Северное море.

НА ОЗЕРЕ СУВАНТО

(Перенос со стр. 10).

ны, командуя батареей, мечтал о тех орудиях, которые много лет спустя советский народ создал для Красной Армии. К тому времени молодой командир батареи стал уже седым профессором, лучшие артиллеристы страны считали его своим учителем. Под его наблюдением в конструкторских бюро, в опытных мастерских, в заводских цехах рождались эти совершеннейшие, небывалой еще мощи гаубицы, получившие, наконец, для себя пищу, как говорили артиллеристы.

Гаубицы стреляли издалека, из чащи леса. Их выстрелов на наблюдательном пункте почти не было слышно, но от разрывов их снарядов, этих гигантских стальных сигар, пролетавших высоко над озером, каменные стены сарая дрожали, как бумажные. Там, на северном берегу Суванто, где еще утром темнел молодой лес, сейчас на расчищенном артиллерийским огнем скате возвышались видны были только выступавшие из земли железобетонные стены, испещренные светлыми выколами—следами прямых попаданий. Время от времени эти мрачные серые стены исчезали в густых облаках разрывов.

Командующий, сидя на ящике перед стереотрубой, молча наблюдал за разрушением огневых точек противника. Медленно рассеивалось облако разрыва, но вот из него выступила темная щель—амбразура,—из нее вдруг забил огромный фонтан яркожелтого дыма и вырвался длинный язык пламени. Из пробоины в стене выскочило несколько согнувшихся человеческих фигурок, карабкаясь на четвереньках, они стали взбираться по крутому скату. В солнечном сиянии эти неожиданно появившиеся люди казались обуглившимися.

— Достаточно? — спросил полковник.

— Да,—сказал командующий, вставая.— Можете приступить к вскрытию второй точки.—И, улыбнувшись, добавил: — Обозначенной на карте...

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПОДВОДНЫЕ ЛУЧИ

В легких скафандрах и в тяжелых батисферах спускаются в глубины моря вооруженные кинокамерой исследователи. Но участникам этих дорогостоящих и зачастую опасных подводных экспедиций удавалось добывать лишь случайные и скудные сведения о морской фауне.

Недавно молодой американский исследователь Винцент Пальмер сделал неожиданное открытие, которое помогло ему заманивать научную «добычу» подводного царства в поле зрения кинокамеры. Во время своих экспедиций он заметил, что некоторые виды рыб приплывают на свет. Экспериментируя с различными источниками света, Пальмер установил, что ультрафиолетовые лучи определенной частоты в некоторых случаях оказывают парализующее действие на рыб.

«Рыбы, — пишет Винцент Пальмер, — как бы подпадают под чары лучей. Лучи буквально гипнотизируют рыб, попавших в сферу их действия. Вначале на луч приплывает одна рыба, другая, затем их становится все больше и больше. И вскоре целый косяк рыб оказывается в плену невидимых ультрафиолетовых лучей».

Пальмер теперь применяет два способа заманивания рыб.

Первый — сводится к тому, что в воду с борта судна спускается большая сеть, затем ярко вспыхивают лучи двух прожекторов, направленных вниз. Между прожекторами установлен источник ультрафиолетовых лучей — вольтова дуга высокого напряжения, которая через кварцевые линзы испускает пучок лучей длиной от 3 до 4½ метров и шириной около метра.

Привлеченные светом прожекторов, рыбы попадают в сферу действия ультрафиолетовых лучей и уже не могут выбраться из сетей.

Второй способ применяется при подводной съемке. В этом случае источники видимых и невидимых лучей заключены в водонепроницаемые камеры.

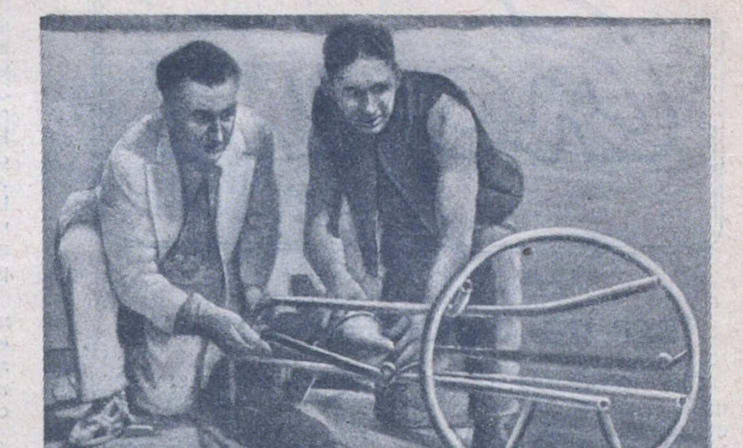
В случае, когда при съемке подводного царства нельзя применить обычные источники света, пользуются невидимым светом ультрафиолетовых лучей, которые, по мнению Пальмера, могут также служить хорошим защитным оружием для водолазов, фактически не располагающих эффективным средством защиты от морских чудовищ.

«ЛЬЮЩИЙСЯ» СВЕТ

В настоящее время в промышленности нашла себе применение пластмасса люцит.

Люцит обладает свойством струить свет, направлять его в ту точку, которую нужно осветить. Эта пластмасса с большим успехом применяется в медицине, позволяя без нагрева освещать внутренности человеческого тела. В США выпущен специальный прибор, позволяющий освещать в машинах и деталях места, недоступные для обычной электролампы и другого осветительного оборудования. Источник света ввиде обыкновенной батареи помещен в ручке. Проводниками света служат прутики из люцита; они изогнуты, и вследствие этого лучи света могут соответственно огибать углы.

ТОРПЕДНЫЕ АППАРАТЫ НА ЛОДКАХ



Показанный на нашей фотографии странный прибор представляет собой миниатюрный торпедный аппарат, который испытывался в Лонг Биче, Калифорния (США).

Основная ценность аппарата заключается в том, что его легко установить на любой моторной лодке.

ОБОРОНА АЭРОДРОМОВ

На аэродроме Флойд Беннет в Нью-Йорке прошло испытание легкое полуторадюймовое орудие, специально предназначенное для обороны аэродромов от вражеских парашютистов. Оно снабжено двенадцатизарядным магазином, который заряжается снарядами трех видов: миниатюрными химическими (вес — 450 граммов), начиненными слезоточивым газом, осколочными и осветительными. Орудие весит всего 18 килограммов, легко разбирается и удобно для переноски.

СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ

СТОЛИК-ХОЛОДИЛЬНИК

С наступлением весны перед домашними хозяйками встает вопрос, как и где хранить такие пищевые продукты, как масло, молоко и пр.

Предлагаю читателям «Огонька» сконструировать простой холодильник, который одновременно является и столиком.

В бачок из простого кровельного железа размерами 50×50×30 сантиметров, с небольшой трубкой и краном для спуска воды вставляется маленький бачок из оцинкованного железа размерами 40 × 30 × 25 сантиметров, который служит для сохранения продуктов. В пространство между этими двумя бачками, которые должны быть выполнены без течи в них, загружается дробленый лед через крышку вверху этого столика-холодильника. Другая крышка прикрывает бачок с продуктами, причем, ввиду того что холодный воздух является более тяжелым, потери холода при открывании крышки будут самые незначительные.

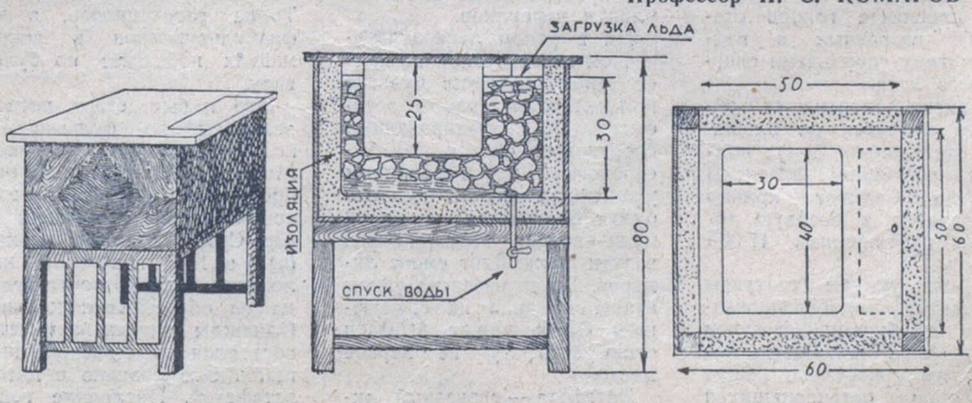
Получающаяся при таянии льда вода с температурой около 0° омывает стенки бачка с продуктами, и кроме того лед, как более легкое тело, плавает в воде, соприкасаясь со стенками и днищем этого бачка. Поэтому внутри бачка для продуктов температура будет в среднем около +5°, что вполне достаточно для краткосрочного хранения продуктов.

Количества единовременно загружаемого льда (около 20 килограммов) достаточно на несколько дней. При новой загрузке льда часть воды спускается через кран внизу столика-холодильника.

Для уменьшения потерь холода стенки и днище бачка с ледяной водой изолируются комочками мятой бумаги, золой, опилками и другими подходящими материалами.

Этот холодильник, выполняя свое назначение, может быть использован как столик, для чего под бачок с изоляцией делают подставку.

Профессор Н. С. КОМАРОВ



Столик-холодильник. Поперечный разрез. Вид сверху.

БЕГ ПО САДОВОМУ КОЛЬЦУ

Под кипарисами солнечной Абхазии, в тенистых приморских парках и на Крымском побережье тренируются сильнейшие и наиболее одаренные молодые легкоатлеты нашей страны.

Вскоре они возвратятся в свои города, чтобы открыть спортивное лето. Вернутся в столицу и лучшие бегуны, усиленно готовящиеся к сезону и традиционной эстафете по Садовому кольцу на приз газеты «Вечерняя Москва», которая состоится 2 мая.

В этот праздничный день москвичи еще рано утром будут ожидать на кольцевом проспекте гонцов стадиона, названных в прошлом году герольдами спортивного лета.

Знамена спортивных обществ появятся на площадях; на зданиях будут подняты спортивные флаги. В полдень Садовое кольцо превратится в беговую дорожку протяжением 17 305 метров.

В эти минуты тротуары становятся импровизированными трибунами. Бегунов нетерпеливо ожидают на мостах; им приветливо машут из окон остановившихся трамваев и троллейбусов.

25 команд примут участие в 15-й юбилейной эстафете. Каждой из них вручат на старте по эстафете, которая перейдет тридцать раз из рук в руки.

Маршрут эстафетного бега замкнется: он начнется и закончится в одном месте — Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Бегуны, сменяя друг друга, пройдут по всему Садовому кольцу, стремясь первыми доставить свою эстафету.

На двадцати этапах побегут мужчины, на десяти — женщины. Эстафетный бег представит захватывающее спортивное зрелище. Он пересечет крупнейшие площади, пройдет мимо десятков улиц и переулков.

Ни в одном легкоатлетическом соревновании не имеет такого значения чувство коллективизма, как в эстафете. 30 тренированных спортивных сердец, 30 быстроногих и выносливых участников каждой команды будут стремиться к одной цели — вперед. И много раз в пути произойдет смена лидеров. Проигрывая на одном этапе, команда на следующем снова может вывести свою эстафету на первое место.

Эстафета — серьезный экзамен спортивной стратегии каждой команды, ее умения правильно расставить свои силы.

Во время соревнования по кольцу «Б» москвичи увидят мастерство лучших бегунов страны: стайеров, миттельштрекеров, марафонцев и даже спринтеров. Среди участников братья Знаменские, рекордсмен Пугачевский, чемпион СССР Ванин, победитель марафонского бега Пунько, Ермолаев, Крайнюков, Соколов, Вьюнков, рекордсменки Сеченова, Косарева, бессменная участница эстафет Егорова и другие.

Эстафета во время традиционного соревнования представляет собой белую цилиндрическую палочку длиной в 30 сантиметров и весом в 50 граммов.

Эстафетный бег — командное соревнование, в котором дистанцию проходит не один бегун, а несколько, меняющихся на этапах и передающих один другому эстафету.

Эстафета по кольцу была организована редакцией «Вечерней Москвы» в 1927 году.

Эстафета по Садовому кольцу в 1940 году. Бегуны взяли старт и проходят первый этап из Центрального парка культуры и отдыха имени Горького по набережной к Крымской площади.

Фото Г. Яблоновского.

Это было 16 июня. Стоял теплый летний вечер. На Страстной площади, у памятника Пушкину, большая толпа. Неожиданно раздался пистолетный выстрел. Толпа расступилась, и 25 физкультурников в ярких майках побежали по бульвару.

Это и был старт первой эстафеты по бульварному кольцу на приз «Вечерней Москвы». С тех пор она проводилась 14 раз. За это время маршрут менялся 5 раз. Самый короткий из них был в 1937 году — 6,5 километра. Однако почти всегда он образовывал кольцо. Однажды финиш эстафеты состоялся на Красной площади. Это совпало с пятой эстафетой. Последние годы маршрут не меняется.

Наибольшее количество раз победу в традиционной эстафете одерживал «Спартак», выигрывали ее и спортсмены ЦДКА. Но начиная с 1935 года «Спартак» никому не отдал приза, выиграв его подряд 6 раз. В прошлом году победитель покрыл весь маршрут в 44 минуты.

Ю. ГЕБДА ВЫИГРЫВАЕТ

Львовский теннисист Юзеф Гебда, победив летом 1940 года москвича Б. Новикова, стал чемпионом СССР по теннису.

Гебда — член спортивного общества львовского «Динамо». Он уже немолодой теннисист, с большим опытом международных встреч.

Естественно, что его выступления в матчах вызывают большой спортивный интерес и привлекают на корты много зрителей.

Последний раз москвичи видели Гебду в матче команд львовского и московского «Динамо». Игры продолжались два дня. Состоялись мужские и женские одиночные встречи, а также парные и смешанные.

Два дня зимние корты стадиона «Динамо» были переполнены. За каждую команду выступало 4 теннисиста и 4 теннисистки. В итоге победа была одержана московскими теннисистами. Они выиграли 9 встреч и проиграли 4.

Небезынтересно отметить, что 3 победы из 4 были одержаны с участием Гебды. Чемпион СССР вместе с Чайковским выиграл парную встречу у москвичей Корбута и Шлее.

В одиночных играх Гебда в первый день победил москвича Синючкова со счетом 6 : 2 и 6 : 1.

На следующий день он играл с Б. Новиковым. Московский теннисист в первой партии захватил инициативу. Его точные и сильные удары вынудили противника уйти в защиту. Пласированные мячи ложились у задней линии. Иногда, выходя к сетке, москвичу удавалось завершить начатую атаку. В результате счет достиг 4 : 1 в пользу Новикова.

Однако после этого Гебда не проиграл ни одного гейма.

ФУТБОЛ НА СТОЛЕ

Футбольный матч начался сразу же после вечернего чая. Со стола были убраны посуда и скатерть. Лампа, скрытая в оранжевом абажуре, осветила поле.

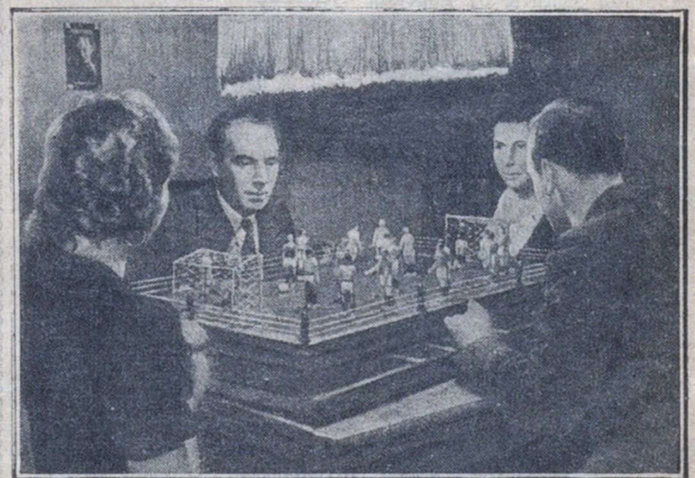
— Начали! — сказал судья, и в то же мгновенье спартаковцы ринулись в атаку.

Душой их нападения был инженер-конструктор А. А. Палепа.

Пальцы его сильных рук яростно били по клавишам, и каждый удар приводил в движение ногу деревянного футболиста. Эта нога била по мячу, мяч летел от бека к хавбеку, от хавбека на край, а с края в центр. Но здесь динамовский защитник вовремя подставил ногу, мяч отлетел на спартаковскую половину поля. Через секунду инженер Палепа снова овладел мячом и, подведя его к воротам, ударил в ближний левый угол. Вратарь «Динамо» прыгнул к штанге, но поздно: мяч был в сетке.

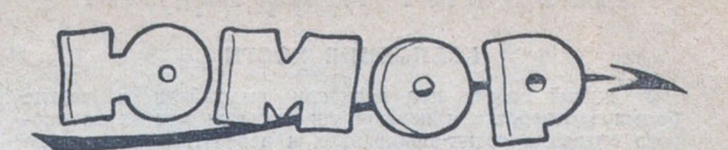
Настольный футбол, изобретенный инженером Автозавода имени Сталина тов. Палепа, — увлекательная игра. На зеленом футбольном поле размером 1 × 0,5 метра расположено 22 деревянных футболиста. Двадцать из них неподвижны и стоят так, что каждая команда имеет одинаковые шансы на успех. По продольным краям поля идут клавиши. Удар по клавише приводит в движение систему рычагов, скрытую под полем и соединенную с ногой деревянного игрока. От силы удара по клавише зависит сила удара деревянной ноги по мячу. Поле устроено таким образом, что мяч, куда бы он ни был пущен, скатится к ноге деревянного футболиста (исключение составляет линия ворот).

Играющий должен ударить по клавише так, чтобы мяч попадал к фигурам его команды, и, подведя мяч к воротам, забить гол. Неточный удар посылает мяч к фигурам противника; кроме того противник может перехватить мяч на лету. Для этого надо вовремя ударить по соответствующей клавише.



Футбол на столе. В центре за столом — конструктор А. А. Палепа.

Фото К. Девишева.



МОЙ ДЕБЮТ НА СЦЕНЕ

Несколько лет тому назад, находясь в командировке в Новосибирске, я познакомился с артистами гастролировавшего там в это время драматического театра. Они жили в той же гостинице, что и я, и мы настолько подружились, что я стал частенько бывать у них на спектаклях, заходя в антрактах за кулисы.

Неожиданно меня встряхнуло и... я икнул.

Рисунок Бор. Ефимова.

Однажды, сидя за кулисами в ожидании спектакля, я оказался свидетелем следующего происшествия. Внезапно заболел артист, играющий купца, причем это стало известно буквально за пять минут до начала спектакля. Он сам, этот артист, пришел сообщить о своей болезни несмотря на то, что еле стоял на ногах. Объясняясь с режиссером, бедняга все время путал его со статуей, находящейся неподалеку, и, прощаясь, пожал ей руку. Выходя, он наступил на декорацию и извинился.

Так как роль купца была невелика, то это происшествие не грозило перейти в катастрофу. Однако кого-то на эту роль необходимо было найти.

«Все складывается, как по книгам»,—подумал я про себя, когда режиссер, неожиданно взглянув на меня, спросил, не смогу ли я сыграть купца. Недолго думая, я согласился, тем более что одной минуты было для меня достаточно, чтобы выучить эту роль так, чтобы провести ее без суфлера. Вы не должны усматривать в этом заявлении хвастовства, так как все, что должен был сделать купец,— это сказать «Ваша правда, сударь!» в первом действии, после чего он выбывал из строя уже до следующего спектакля.

Не прошло и пяти минут, как на меня нацепили бороду, усы, парик, костюм купца и вытолкнули на сцену.

Первое действие открывалось картиной пира. Все мы сидели за столом и уплетали разную снедь за обе щеки. Однако я должен буду вас разочаровать, сообщив, что почти вся пища была несъедобная, так что мы больше брякали ножами и вилками, чем находили им благородное применение.

Тем не менее, мне удалось подцепить недурной кусок холодной телятины, которую я и стал уписывать с тем большим апетитом, что успел уже проголодаться с обеда.

Торопясь покончить с телятиной, я запихнул себе в рот кусок побольше и как раз в этот момент услышал реплику, относящуюся ко мне: «Ну вот хоть ты, Петр Никитич, разве ты не такого же мнения?»

Всякий из вас понимает, что, имея полный рот, бессмысленно пытаться что-либо говорить, тем более на сцене. Поэтому, сделав над собой усилие, я проглотил весь кусок. Он протиснулся по моему пищеводу словно камень!

Однако актер, очевидно, думая, что я не расслышал его реплики, повторил ее громче. В это время мне уже удалось перевести дух. Я открыл рот, чтобы сказать свое «Ваша правда, сударь!», как вдруг неожиданно меня встряхнуло и чистый, звонкий звук раздался из моего горла — я икнул.

Надо было бы вам посмотреть на тот эффект, который это произвело не только на зрителей, но даже на артистов. Однако эффект удвоился, когда секунду спустя я икнул еще раз. Мне так и не удалось сообщить им о своем мнении, но они не стали дожидаться его. После этого, несмотря на то что мне уже нечего было сказать, я изредка икал. Должен вам сообщить, что, по-моему, это даже придавало какую-то естественность нашему пиршеству. Но мои коллеги смотрели на это дело с другой точки зрения, и каждый раз, когда я давал о себе знать, они пытались меня заглушить. Однако у них ничего не выходило, так как им не удавалось уловить закономерности в этом процессе.

Тогда мой сосед посоветовал мне зажать нос и рот и не дышать, покуда возможно.

Но в первый раз, когда я попытался это проделать, икнул с зажатым носом, отчего звук получился какой-то квакающий, а второй раз мне хотя и удалось дотерпеть до конца, но зато, отпустив нос и рот, я икнул с такой силой, как будто откупорил бутылку с шампанским. Несмотря на то что этот звук крайне гармонировал с обстановкой, он раздался настолько неожиданно, что все сидящие за столом подпрыгнули. Тогда они стали шипеть мне, чтобы я вышел со сцены. Мое поведение, зашептали они, отвлекает внимание зрителей от основного хода действия. Я не знаю, что они подразумевали под основным ходом действия, но одно мне было ясно, а именно, что они просто начинают завидовать моей быстро растущей популярности. Тем не менее я не стал с ними спорить и вышел из-за стола. Однако, прежде чем я достиг кулис, я икнул два раза и еще один раз — за кулисами, но так звучно, как если бы я, находясь по середине сцены, выстрелил из ружья.

За кулисами я попал в лапы режиссера.

Первое, что он сделал,— это схватил меня за горло и начал трясти до тех пор, пока мои усы не отвалились, а парик не съехал на лоб. Только после этого он отпустил меня.

Результат оказался блестящим — мою икоту как рукой сняло.

Когда закрыли занавес, то публика начала меня вызывать.

— Купца, который икал!..— кричали зрители.— Петра Никитича...

Однако несмотря на столь очевидный триумф я никогда уже более не делал попыток вернуться на сцену.

С. САМОЙЛОВ.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Миссис Джонсон, вы что-нибудь слыхали про последний скандал с миссис Смит?

— Нет, ничего не слыхала. А что?

— Ну раз вы ничего не слыхали, значит, ничего и не было.

●

Пастор. Так вот, сын мой, на твоем поле прекрасно взошли хлеба.

Фермер. Да, отец мой.

Пастор. А какой у тебя прекрасный огород!

Фермер. Да, отец мой.

Пастор. Так поблагодари же за все это всевышнего.

Фермер. Послушайте, отец мой, да тут ни одного злака не росло, пока всевышний хозяйничал сам!..

●

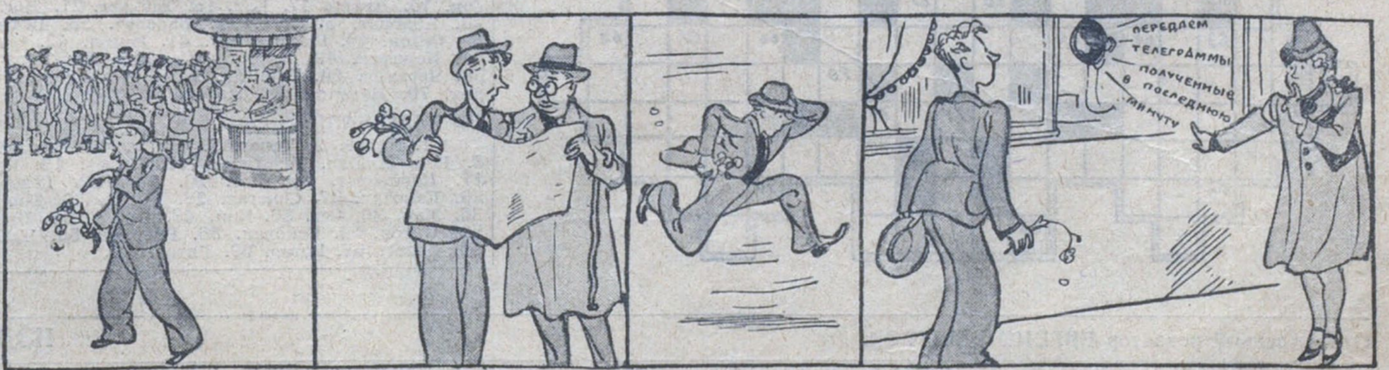
Режиссер. Послушайте, публика устроила вам небывалую овацию. Она до сих пор не успокаивается. Как вам удалось добиться такого успеха?

Актер. Я им сказал, что не стану продолжать свое выступление, пока они не перестанут аплодировать.

ЮНОША СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ...

Рисунки Бор. Ефимова.

Он отправился на свидание, но в дверях его задержало радио (1). Пришлось ускорить шаг, но... (2). Непредвиденная остановка возле репродуктора... (3). ...заставила пуститься бегом. Он поспел бы к сроку, но... (4).



...очередь за газетой была не очень велика. Невозможно было удержаться от искушения (5). Обсуждение последних военных сводок со знакомым отняло не больше 20 минут (6). — Опоздал! Опоздал! Она давно ушла! (7). О радость! Девушка еще была в условленном месте: там случайно оказался репродуктор (8).

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

КРЕПЛЕНИЕ КОСТИ

У живой собаки под наркозом выдолбили в черепе большое отверстие и перекинули над ним мостик из особого сплава. Мостик прикрепили к черепу. Собака вскоре поправилась. Спустя три месяца ее умертвили. При вскрытии черепа было обнаружено, что мостик исчез, а на месте отверстия образовалась новая кость.

Мостик растворился. Этот и другие опыты подтвердили пригодность нового сплава для замещения недостающих кусочков кости, в частности на черепе. Сплав этот изготовлен доктором биологических наук В. В. Троицким, заведующим лабораторией кости Центрального института травматологии, и кандидатом медицинских наук Д. Н. Цитриным, научным сотрудником Государственного института стоматологии.

Способность нового сплава,— растворяясь, стимулировать прорастание костной ткани — открывает широкие перспективы применения этого сплава при лечении разных костных дефектов. Обычно для лучшего сращивания переломанных костей накладывают металлические пластинки, но они не растворяются, не содействуют прорастанию новой кости. Больного оперируют для наложения пластинки, а спустя месяца два—три, если рентген устанавливает срастание кости, производится новая операция, для снятия пластинки.

Сплав В. В. Троицкого и Д. Н. Цитрина устраняет необходимость второй операции. Применение новых пластинок при оперировании ряда пациентов Института травматологии дало блестящие результаты. В последнее время изобретателям удалось изготовить для сращивания костей винтики из нового сплава. При проверке на животных винтики оказались прочными и растворимыми.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...Что первая подводная лодка (передвигавшаяся при помощи весел) была построена в 1620 году голландцем Корнелиусом Ван-Дребель, находившимся на службе у английского короля Иакова I.

●

...Что молния никогда не ударяет в птиц, так как птицы покрыты перьями, а перья являются превосходным изолятором электричества.

●

...Что при прорытии теперешнего Суэцкого канала неоднократно встречались следы древнего Суэцкого канала, прорытого египтянами более 3 тысяч лет назад.

●

...Что грибы, растущие под бетонным тротуаром, взламывают его, заставляя бетон подниматься и трескаться.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ГОЛОВОТЯП

Слово это пустил М. Е. Салтыков-Щедрин, и оно быстро вошло в русский язык для обозначения человека, бестолково ведущего дело или управляющего учреждением. «Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку тяпать головами обо все, что бы ни встретилось на пути» («История одного города»).

КАРАНДАШ

Карандаш считается словом, позаимствованным из татарского языка. Но в татарском языке карандаш — заимствование из русского. Противоречие здесь только кажущееся. Это один из многих случаев путешествия слова из языка в язык. При первом знакомстве с графитом русские узнали, что татары называют его «кара (черный) таш» (камень). В новейшее время слово «карандаш» возвращается в татарский язык как заимствованное с русского обозначение орудия письма.

ДОЛГИЙ ЯЩИК

У дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском был прибит длинный ящик для опускания жалоб на имя самого царя. Длинным он был сделан для того, чтобы в нем могли поместиться свитки, на которых тогда писали. В народе скоро назвали ящик вместо длинного долгим по результатам опущенных в него жалоб. С тех пор пошло выражение «положить дело в долгий ящик», то есть ничего не сделать.

И. УРАЗОВ.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. Вишневский.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Машина для забивания свай.
6. Судовая снасть.
8. Часть палубы корабля.
10. Растение.
11. Соглашение.
13. Рыхлая горная порода.
14. Морская рыба.
17. Косвенное напоминание или указание.
19. Женское имя.
21. Надгробная надпись.
22. Три брата, знаменитые французские живописцы XVII века.
23. Вождь и организатор восстания рабов в древнем Риме.
25. Шведский астроном, работавший в Пулковской обсерватории.
26. Состояние воды.
27. Титул в Индии.
30. Место хранения, выдачи и приема денег.
32. Предмет гигиены.
34. Хищная птица.
37. Город в Англии.
39. Древнегреческая поэтесса.
41. Металл.
42. Участок земли, расположенный при здании.
43. Сказание, легенда.
44. Отрицательно заряженный ион.
45. Ядовитая змея.
46. Народный певец на востоке.
47. Созвездие.
48. Залив, образовавшийся от затопления морскими водами низовья реки.
50. Один из электродов.
51. Архитектурное сооружение.
53. Слово, тожественное с другим по значению.
55. Род литературы.
57. Пункт, с которого начинается спортивное состязание.
58. Напиток.
60. Река в СССР.
62. Химический элемент.
65. Минерал.
66. Река на Кавказе.
69. Сборник рун карельского народного эпоса.
70. Высшее научное учреждение.
71. Озеро в Закавказье.
72. Народное собрание у древних греков.
75. Знаменитый французский живописец XVIII—XIX веков.
76. Отскакивание под известным углом снаряда, пули и пр. от поверхности при ударе.
77. Карлик.
78. Марка автомобиля.
79. Часть суши, вдающейся в море.
80. Модель.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Величайший полководец.
2. Сельскохозяйственное орудие.
3. Государство в Южной Америке.
4. Минеральное вещество, содержащее металл.
5. Разновидность оперной арии.
6. Покрой платья.
7. Транзитная пошлина, взимаемая с товаров, перевозимых внутри Китая.
8. Группа небольших островов в Тихом океане, принадлежащих Японии.
9. Насекомое.
10. Горный проход.
12. Доклад.
13. Степной или лесной пожар.
15. Термин в переплетном деле.
16. Мера жидкости.
18. Знаменитый английский актер.
20. Порт Эритреи в Африке.
21. Часть оборудования кинотеатра.
24. Город в Марокко.
28. Буквы какого-нибудь языка, расположенные в определенном порядке.
29. Геологический термин.
30. Церковное звание.
31. Степные пространства в тропическом поясе с сухим, континентальным климатом.
32. Часть противогаза.
33. Военная операция.
35. Составная часть ядра клетки.
36. Большой пловучий буй.
37. Указ султана в султанской Турции.
38. Абиссинский правитель.
40. Индейское племя.
42. Река в Марокко.
49. Сорт кофе.
52. Партнер в танце.
53. День недели.
54. Деталь машины, служащая для соединения двух валов.
56. Огнестрельное оружие.
57. Государство в Европе.
59. Произведение Купера.
60. Русский князь.
61. Река в СССР.
62. Абиссинский военачальник.
63. Краткое изречение, выражающее руководящую мысль.
64. Рыхлые продукты разрушения горных пород, нанесенные водой или ветром.
66. Река в Восточном Туркестане.
67. Загадка-рисунок.
68. Основатель Персидской державы.
72. Мельчайшая частица вещества.
73. Внешнее проявление болезни почек и сердца.
74. Музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 11 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Кас. 4. Самум. 6. Минерал. 8. Балакирев. 10. Торит. 11. Копал. 13. Кабак. 15. Делиб. 17. Кол. 18. Табурет. 21. Дог. 23. Полоз. 25. Товар. 26. Керес. 28. Колонат. 30. Тес. 31. Баронет. 33. Поток. 34. Ном. 36. Сап. 37. Венок. 39. Седов. 40. Парагенезис. 41. Репин. 42. Салоп. 44. Вий. 45. Тит. 46. Вагон. 47. Корифей. 49. Пир. 51. Санитар. 53. Колас. 54. Сатир. 56. Лизол. 57. Таз. 58. Черемис. 60. Тир. 61. Варан. 63. Сибор. 65. Набор. 67. Рулон. 68. Жаворонок. 70. Напиток. 71. Лоток. 72. Тор.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Намек. 2. Канат. 3. Сурик. 4. Силикат. 5. Мародер. 6. Марат. 7. Лепет. 8. Боб. 9. Вал. 10. Талон 12. Лидер. 13. Колок. 14. Суверенитет. 16. Боров. 17. Коловорот. 19. Бот. 20. Рас. 22. Генератор. 23. Потолок. 24. Занавес. 26. Капитал. 27. Сенегал. 28. Кодак. 29. Торий. 31. Базис. 32. Топор. 33. Пес. 35. Май. 36. Сет. 38. Кин. 43. Пилав. 46. Визир. 48. Фазан. 49. Пар. 50. Рим. 52. Нитон. 54. Сеновал. 55. Рисунок. 58. Чабан. 59. Силок. 62. Раж. 64. Бок. 66. Ропот. 67. Ротор. 69. Ритор.

Ответственный редактор ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-31-69. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

А 37991. 3 п. л. Зн. в п. л. 105 000. Подписано к печати 21/IV—41 г. Изд. № 434. Зак. 1309. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.